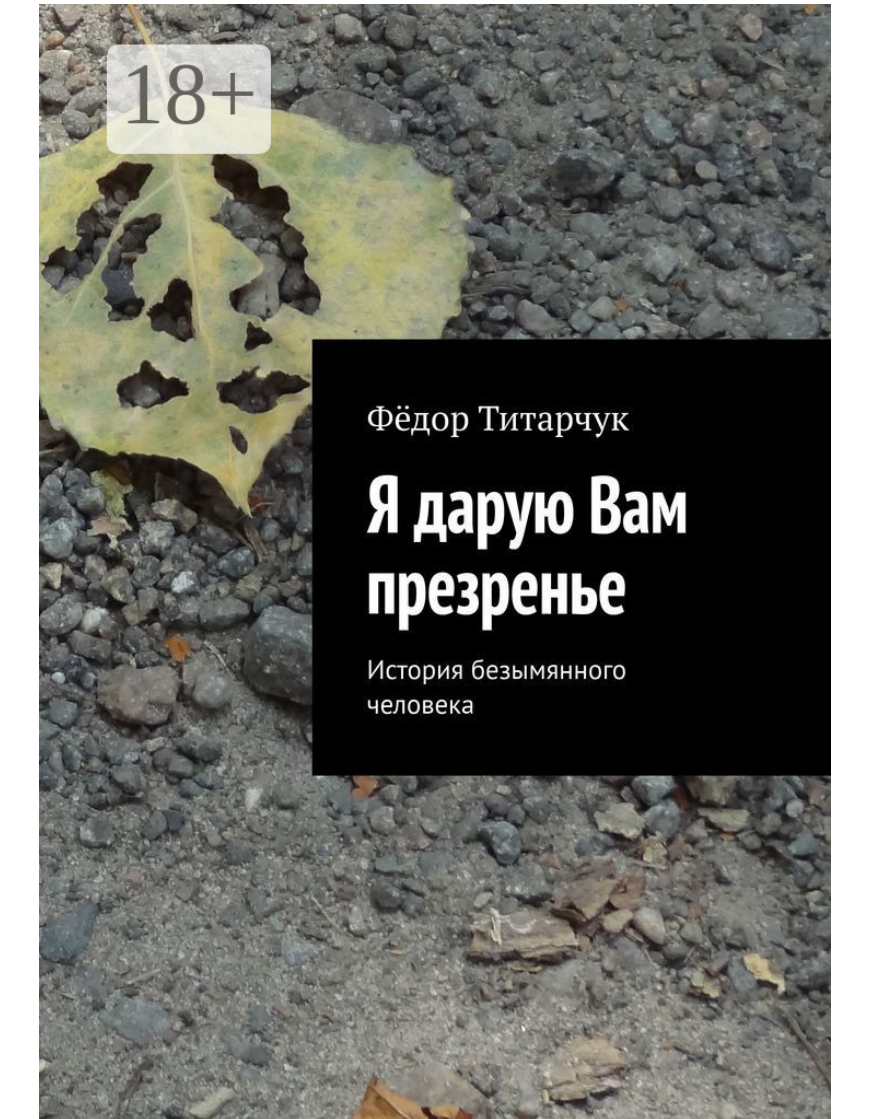

The background of the book cover is a photograph of a gravelly surface. A single, large, yellowish-green leaf with several dark, irregular holes is positioned in the upper left quadrant. A black rectangular box containing white text is located on the right side of the cover.

18+

Фёдор Титарчук

Я дарю Вам презренье

История безымянного
человека

Фёдор Титарчук

Я дарю Вам презрение.

История безымянного человека

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39426216

ISBN 9785449380265

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Перелом в сознании общества начался, наверное, с фильма «Бойцовский клуб». Перелом в сознании, которое задает вопросы вроде: «Где моя война?», «Почему я раб работы?» и «Почему общество указывает мне что верно и что неверно?» Именно так! Перелом начался и подвижки уже налицо, но вот что делать тем, кто своим нутром ощущает ущербность этого общества, но обстоятельства заставляют делать именно то, что требуется для чьего-то блага. Протестовать! И только! Примерно так, как это делает главный герой этой книги.

Содержание

Вместо вступления...	5
1	6
2	18
3	26
4	33
5	39
6	50
7	78
8	97
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Я дарю Вам презрение История безымянного человека

Фёдор Титарчук

Все мы смертны, а грехи наши вечны!

© Фёдор Титарчук, 2023

ISBN 978-5-4493-8026-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо вступления...

Перелом в сознании общества начался, наверное, с фильма «Бойцовский клуб». В сознании, которое задает вопросы вроде: «Где же моя война?», «Почему я работаю и только работаю?» и «Почему общество указывает мне то, что верно, а что аморально и противостоит природе?»

Именно так! Перелом начался и подвижки уже налицо, но вот что делать тем, кто своим нутром ощущает ущербность этого общества, но обстоятельства, архаика и прочие условности сковывают его сильнее стальных обручей, заставляя делать именно то, что требуется для чьего-то блага, замаскированного под «всеобщее» или «общественное»?

Наверное, протестовать! И только! Но как выразить свой протест там, где это не приветствуется и является аморальным и неприемлемым?! Примерно так, как это делает, пускай и подспудно, не совсем осознанно, главный герой этой книги.

1

Чистота санузла была явно переоценена. Разводы на кафеле, оставленные, должно быть, той же тряпкой, которой мылись и полы, явно указывали на откровенное наплевательское отношение к указаниям собственника, для которого чистота была ещё тем пунктиком.

Почему-то разводы Его сейчас интересовали больше, чем все происходящее вместе взятое. Наверное, потому, что Его мутило и мутило сильно. Голова готова была развалиться на части, желудок переполнялся спазмами, выбросив уже несколько раз все, что только мог, наружу. Пот заливал глаза, а ноги, предатели, так и грозили подкоситься, окунув Его головой в унитаз.

«Хотя, это было бы не самым плохим решением!» – почему-то пронеслось у Него в голове. Вода Его манила, падала в очередной раз потоком, унося с собой все, что в неё попадало из вне. На это Он мог бы глядеть бесконечно, если бы...

Если бы не начало рабочего дня, коллеги, протопавшие сначала в одну сторону, потом обратно, задержавшись на какое-то время у рукомойников, и... И Он не выдержал – вышел. Хотя пошатывающуюся походку и неуверенные шаги стоило бы охарактеризовать как-то иначе, например – выпал из кабинки – но пускай будет все же – вышел.

Со стороны зазеркалья на Него глядело нечто, чего стои-

ло опасаться не только там, за стеклом, но и, стоит признать, в жизни тоже. Огонь в потухшем взоре горел где-то далеко-далеко, в самом далеком уголке замусоренной и необжитой пещеры, что своими низкими сводами давила на присутствующих и продуцировала в них приступы клаустрофобии попеременно с беспричинной паникой. Прическа требовала многого – и, в первую очередь, не укладки. Не мешало бы после ночной прогулки её хорошенько вымыть, удались оттуда, по крайней мере, остатки табачного пепла и чего-то ещё, что оставляет после себя пена с пенных вечеринок. Осунувшаяся кожа землистого цвета уже не удерживалась уставшими мышцами и свисала комьями на щеках, под глазами, на подбородке.

Он ещё раз взглянул на свое отражение, улыбнулся оному, и не нашел в том ничего привлекательного, что могло бы...

Вода заливала уши, текла за ворот рубахи и так безвозвратно испорченной, мыло пенилось, но явно мыть не желало. Намыливши голову вторично, Он вновь опустил под струю, дарующую прохладу и возвращающую Его к жизни. Благо, что рабочий день начался и Его в умывальном отсеке санузла ни кто не беспокоил.

Прошлый вечер, как и предыдущий, как, в прочем, и многие иные, начался с все той же фразы: «Сегодня без меня! Завтра тяжёлый день, хочу выспаться...» и, естественен, вылился во все то, во что и должен был.

Он выбрался из санузла, каким-то чудом протопал по ко-

ридору, заливая пол каплями воды, стекающей с волос, бегущей по рубашке и попадающих даже на джинсы. В санузле, как водится, бумажных полотенец не водилось, автоматическая сушилка работала как угодно, но только не по назначению, а о существовании туалетной бумаги для таких целей Ему пришлось отказаться после прошлого раза, когда остатки той намертво засели у Него в волосах и лишь порождали ненужные вопросы.

Воспоминания к Нему возвращались. Но возвращались сложно, с головной болью и в приступах, сопровождающихся провалами в памяти.

Футболка оказалась на месте. Слава всевышнему! Но, увы, последняя. Купленная для таких случаев пачка из десятка китайских хлопковых футболок как-то сама собой растаяла, превратившись в кучу нестиранного белья дома. Наверное, в эту же кучу сегодня отправится и рубашка, которой Он сейчас активно вытирал волос, старясь привести Себя хоть в какую-то видимость порядка.

Утро выдалось прохладным. То ли случилась аномалия посреди лета, то ли тому виной близость реки, а может и остатки алкоголя, активно пополняемые в течение ночного загула, а теперь не менее активно перерабатываемые организмом... или уже не перерабатываемые. Но Он проснулся от ощущения нечеловеческого холода. Очнулся на лавочке посреди парка, посреди города, в пяти шагах от навесного пешеходного моста через реку, что своими канатами напо-

минал ему незавершенную гигантскую арфу. Примерно так – задумали создать арфу, скажем, для некоего местного божества из городской мэрии, или для неведомого технического новшества – робота, например, – витало у него в голове, – а потом то ли передумали, то ли средств не хватило, но применить куда-то уже собранную конструкцию было необходимо – деньги израсходованы, инвесторы нервничают – вот и водрузили сию конструкцию на берегу реки, быстро пере-квалифицировав её в мост.

Рядом, на той же лавке, лежала особа, чей возраст явно уходил куда-то в довоенные годы, – по крайней мере именно так она выглядела, – и в том, что у них все получилось, а расстегнутые брюки и валяющийся рядом использованный презерватив указывали именно на то, – было больше её заслуги, чем Его очарования.

Особа сладко спала, подложив себе под голову его свернутый в валик пиджак. Её коровьи ножки время от времени подрагивали, едва укрытые тонким материалом короткой юбки. Пышные формы заполняли собой едва ли не все пространство лавки, и Он удивлялся, каким образом нашлось место и для Него. Судя по тому, что очнулся Он все же не на самой лавке, а рядом, на выложенной плиткой пешеходной дорожке, – то ни как.

– Что? Опять? – вырвал из воспоминаний Его Женька, местный Кулибин и по совместительству едва ли единственный друг на работе.

– Оставьте морали, уважаемый! Лучше налейте! – ответил несколько высокопарно Он. Высокомерие, конечно же, было напускным и оба они это прекрасно знали, залившись тут же смехом.

– Похмелить? – уточнил Евгений.

– Был бы безмерно признателен, коллега! – развалился в кресле Он, крутя в руках свежую футболку.

– Тогда заскакивай ко мне минут через пятнадцать, – хлопнул по мокрому плечу его Женька. – Мне ещё на производство заскочить нужно...

– А то как же, – бросил ему в след Он, сбрасывая на пол рубашку.

Футболка на время закрыла обзор, приятно сползая дешевым хлопком по изможденному лицу, а когда перспектива вновь обрела реальность, картина мира несколько изменилась. Большую часть обзора занимали бедра, начинавшиеся ступнями где-то внизу, опираясь на массивные, по последнему писку моды, туфли-платформы. Это была Карина! Вот с кем Ему сейчас меньше всего хотелось выяснять отношения!

С Кариной они были знакомы уже больше года. Тесным, с позволения сказать, их знакомство стало относительно недавно и на первом этапе носило достаточно бурный характер.

Карина была барышней того роста, что позволял ей взирать на большинство людей свысока, причем как в прямом,

так и переносном смысле этого слова. Он ещё раз оценил её, проведя взором от туфель-платформ, вверх, по слегка тяжеловатым, обтянутым в стречевые джинсы, ногам; отметил не застёгнутую пуговицу на самих джинсах – ранее Он это воспринял бы непременно за предлог; вспомнил изгиб талии, сейчас скрытый свободного покроя блузой и остановился на том месте, где несколько раз засыпал, проваливаясь в ущелье меж пышных форм. Она явно негодовала:

– Ты мерзкая волочь! – выплеснула гнев Карина на Него.

– Не могу не согласиться с Вашим мнением, дорогая!

Не желаете ли пройти?!...

Кровь все ещё продолжала сочиться, проступая сквозь сжатые пальцы руки, коротай Он прикрывал расцарапанную щеку. Увы, Его предложение не было встречено хотя бы брезгливым неудовольствием, а послужило тем катализатором, что перевело вербальный гнев в его невербальную форму. И Ему ещё несказанно повезло, потому что отшлифованный, покрытый слоем акрилового лака коготь летел точно в глаз и не увернись Он в последний миг, ситуация сейчас могла бы иметь совсем иной оборот.

– И вновь то же самое! – вскинул театрально руки вверх Евгений.

– Оставьте, уважаемый, – протянул в ответ Он. – Лучше налейте!

– Так уже все сделано! – протянул мерный химический

стаканчик Жека. – Извольте-с, сударь. Поправьте свое драгоценное. – он заливался смехом от происходящего.

– Как водится? – уточнил Он. – Спиртяга, дистилат, отдушки?!

– Лимонную кислоту забыли, уважаемый! – уточнил Евгений.

Евгений был химиком. Тем самым химиком, что вночи корпят над своими реактивами, не понимают, почему над ними потешаются окружающие, и сводящие все естество бытия к цепи химико-физических реакций.

Жека носил эспаньолку, почему-то называя её испанкой. Аргумент, сводящийся к тому, что испанка – это название болезни, а его борода – это запущенная небритость, не особо его убеждал. Жека был худощав, чуть выше среднего роста, и полноту картины безумного профессора, наряду с заляпанным реактивами халатом и всклокоченными периодами волосами, довершали очки в тонкой оправе.

– Вот гляжу я на тебя, Жека, и почему-то мне хочется тебя обидеть, – опрокинул вовнутрь грамм сто пятьдесят Он. – Может дело в очках? – сто пятьдесят было явно много, и Он это сразу же понял, невзирая на аромат отдушек и горечь лимонной кислоты, добавленной в изобилии. – Знаешь, говорят, очкариков приятней бить. Статистика, понимаешь ли.

– Ну вот! – вновь возмутился Жека. – Я для него, понимаешь, кремы делаю, похмеляю по утрам, а он все норовит меня побить. А если я Тебя?!

– Это можно всегда утратить, – согласился Он. – Только напоить потребуется заранее. И побольше, потому что Я сейчас тебе буду строить кривую своей агрессивности в зависимости от количества употреблённого алкоголя.

– Ты ещё забыл добавить в единицу времени, – поправил его Жека.

– Нет, единица времени, это уже третья переменная, зависимость получится сложной, а у Меня сейчас и так мозги не совсем в порядке.

– Тогда я Тебе предлагаю чай, – чайник явно был поставлен заранее и ввиду воспитанности Евгения, он не мог не предложить чай, когда собирался пить его сам.

– Давай, только с сахаром, – кивнул Он. – Уж будьте так любезны, благородный сер! – Он ещё раз обвел взором помещение.

«Квадратов с двадцать! Не менее.» – констатировал Он. И все это было заставлено столами, непонятными агрегатами, устройствами для смешивания, взвешивания и взбивания. Вон на том столе Жека как-то при нем же делал крема для своих сотрудниц. Сотрудниц было в лаборатории человек с десятков. Не менее. И все они тайком посмеивались над Жекой. Жеку это в какой-то мере угнетало, но до тех пор, пока он не углублялся в свои алхимические опыты – тогда его было вынуть из них практически невозможно, и реальность теряла для него всякий смысл.

– А где это твой курятник? – удивился тишине Он.

– Я их, таво... – коварно поглядел на Него Жека. – На зиму в банки закотал.

– А! – кивнул понимающе Он. – Тоже дело нужное...

– Курят они, – пояснил наконец Жека, разливая кипяток. – Они же все скопом все делают. И курят тоже. Курятник, словом.

Тут не согласиться было сложно. Курятник он и есть курятник. Особенно когда с десятков барышень, ведущих преимущественно сидячий образ жизни и потому начавшие обростать телесами, ходят как одна в белых халатах, а порой даже в шапочках. Видя их сидящих в ряд и о чем-то меж собой кудахтающих, аналогия напрашивалась однозначная.

– Угощайся, – протянул Евгений Ему чашку. — Я тут Тебе ещё кое что добавил, Ты не удивляйся вкусу. Выводит токсины из организма. Немного побегаешь, конечно, но в остальном, к обеду будешь живее всех живых.

– Спасибо. – принял чашку из рук химика Он.

Взор Его устремился тут же в окно. Жекина лаборатория местилаь на втором этаже недавно выстроенного здания и своими окнами выходила в тыл административного здания, туда, где по негласной традиции собиралась все курильщики и где происходил обмен всеми последними сплетнями.

– А вон и твои, – указал в сторону группы белых халатов Он. – Прямо в халатах курят!

– Эти могут! – согласился Евгений, уже сновавшись

среди своих агрегатов да реактивов. Он начинал погружаться в свой мир и если его резко оттуда не выдернуть, то можно считать, что разговор уже завершился.

– Смотри, а вон и меня перетирают! – указал куда-то Он. Евгений встрепелся, поднял свой отсутствующий взор и переспросил:

– Тебя? Зачем?

– Затем! – указал Он на красноту щеки и четыре достаточно глубокие царапины на ней.

– А, это! А кто?

В курилке царило оживление. Это можно было утверждать с высочайшей степенью достоверности. Рослая и видная Карина явно вошла в роль. И хоть звук был «отключен» для слушателей в лаборатории, но её жестикуляция, её подача, явно говорили о буре эмоций, бурлящих и теперь доступных окружающим.

– Это её рук дело? – уточнил Евгений.

– Именно! – даже с некоторой гордостью подтвердил Он.

– Ну тут я Тебя понять вообще не могу! – развел руками химик. – Такая девушка! А Ты!! Что Ты ей хоть сказал?

– Классика, дорогой друг! Классика! Дружба её может быть и устроила бы, если бы до того меж нами ничего не произошло существенного. А предложение периодически проводить время, не отягощая отношения обязательствами, ей показались вообще оскорбительными. Наличие же иных партнерш у Меня попросту неприемлемо, а предложение,

сделанное мною утром, привело к акту рукоприкладства. Вот, собственно, и все!

– Знаешь, если бы я был девушкой, – Евгений не произнес распространенных в мужских разговоре слов, характеризующих особей противоположного пола в уничижительной форме. Для него они были девушками, даже тогда, когда ехидно посмеивались пятну жира, от забытого на стуле бутерброда, в который Евгений сам же и сел. – Если бы я был девушкой, то я бы тебе сказал, что ты сволочь, и женоненавистник!

– Что-то похожее сегодня утром Карина и предъявила.

– И что?

– Я не возражал. – кивнул Он. – Глупо возражать. Тем более, что...

Повисло молчание. Он что-то рассматривал в среде курящих, Евгений тоже, но объекты их внимания были явно различны. Жека взирал на бурлящую, полную эмоций курилку, Он же уже что-то заприметил.

– А это кто? – вырвалось наконец у Него.

– Где? – не понял Евгений.

– Да вон, Он указал на тоненькую девчушку с изящной чашкой в руках. Она не курила, не участвовала во всеобщем обсуждении, но стоя в сторонке, с неописуемым интересом следила за происходящим.

– Я не знаю... – пожал плечами Жека. – Наверное, кто-то из новеньких. Вчера ещё в курилке её не было.

– Интересно... – пригубил чай Он. – Интересно....

– А ты кроме как сексуально на женских особей реагировать не можешь! – с долей укоризны констатировал Евгений.

– У меня повышенный тестостерон, высокое артериальное давление, да и крови у меня, говорят, южные, потому иначе на молоденьких девушке Я реагировать не способен. – отвечал Он. – Да! Моя реакция, в большинстве случаев, так или иначе связана с сексуальной составляющей. Я практически на все реагирую сексуально. И мне вообще непонятно, как без этого обходятся остальные. Наверное, просто подавляют свою сущность. Не иначе!

– Может у Тебя от того и проблемы?

– Признай, это не у Меня проблемы. Это у них проблемы.

– Могу поспорить...

– Поспорь, поспорь, доставь Мне удовольствие... – откинулся в кресле химика Он. – А потом я тебе расскажу, что умеет Карина. Тебе же интересно?

– Интересно, – с иронией во взоре отвечал Жека. – А потом я схожу, и узнаю у неё, чего не ты умеешь. Идёт?

– Не смею чинить препятствия. – кивнул Он отставляя в сторону чашку. – Но сразу хочу предупредить, ничего нового и хорошего тебе обо Мне не услышать. Только правду! Ну, давай, начинай...

2

Выполнить данное себе же обещание – лечь сегодня пораньше – в очередной раз не удалось. Увы, метро, начало одиннадцатого ночи, перерывы между составами в четверть часа и, на удивление, или напротив – предсказуемо, пустые вагоны.

Тройняшка-сидение, так нелюбимое Им в час наполненности вагона, сейчас было тем, куда хватило сил упасть лишь проникнув через разбежавшиеся в стороны створки дверей.

Состав был явно ненов, но совсем недавно прошел капитальный ремонт и потому привычные желтые фонари освещения сейчас были заменены на светодиодные нити. Свет резал глаза своей интенсивностью, высокочастотным мерцанием и делал все каким-то неестественным, почти таким же, как то бывало с Его восприятием в ночных клубах, переполненных неонов и специфическим световым освещением на все тех же светодиодах.

В вагоне Он был один. Через пару окон, что отделяли Его от соседнего вагона, он разглядел парочку подростков жадно целующихся в этот поздний час...

Усталость накатила лишь только ноги перестали ощущать нагрузку. Веки самопроизвольно упали вниз, скрывая этот мир от Его сознание. И, похоже, сознание было тому только радо.

Вагон покачивался. Перепады высот и искривления пути следования мало кем ощущаются в метро, но они имеют место и если твой внутренний «гироскоп» чутко настроен беспутно проведенными парой дней да отягощенный бытностью рабочих будней, то все эти неровности и изгибы ощущаются куда заметней.

Состав шел своим путем, разгоняясь, пробегая пролет, замедляясь, замирая возле очередного перрона, раскидывая в стороны створки гидравлических дверей, закрывая такие, да отправляясь до следующего пункта. В голове все смешалось. Прошлый день казался чем-то далеким, насыщенным и до жути неприятным.

«Выспаться уж точно не удастся!» – пронеслось у Него в голове между мыслями о двух совещаниях, на которых Он был практически распят за заваленные проекты и воспоминаниями о сцене в курилке, где Его публично вычитывал едва ли не весь женский коллектив организации. На первое Ему было откровенно плевать – проекты шли своим чередом и будут завершены в оговоренные сроки, а распинали его больше за образ жизни и поведение, которых не разделяло руководство и сотрудники из параллельных подразделений, но высказать то открыто на официальном собрании не имели возможности – корпоративная этика, сука, однако!

В отношении же вычитки в курилке – это было даже забавно. Он, признаться, откровенно повеселился, глядя на эмоции, что вызвала Его разлука с Кариной. Он дал предмет для

очередного обсуждения, так необходимый женскому социуму, похоже, только этим и живущему.

Жека. Вот с Женькой вышел казус. Похоже Он того чем-то обидел. Он и сам не понимал причину замкнутости и де-сантирования товарища.

«Вроде бы ничего существенного, способного вызвать такую реакцию, сказано не было», – удивлялся Он. Он, похоже, даже извинился. Ему так, по крайней мере, казалось. Но, опять же, по Его ощущениям, начавшим туманиться после процесса опохмела, похоже Женька принял извинения формально, причину обиды не озвучил и оставил её действие в силе.

«Ладно, завтра разберемся...» – пронеслось у него в голове. Бывало и хуже. С Женькой Он всегда находил общий язык и тот, порой, прощал намного больше, чем стоило.

Когда она появилась, Он даже не заметил. Просто её волос, собранный в единый пучок, пробежался на очередной изгибе линии метро по Его лицу и ускользнул прочь. Через несколько секунд процедура повторилась. Глаза как-то сами собой открылись в поисках неведомого раздражителя.

Раздражитель стоял рядом, прислонившись своими ягодицами к поручню, отделяющему пространство входа в вагон от сидения-тройки. Её тепло наплывало на Него и теперь Он это ощущал.

Широкий таз, слегка полноватые ягодицы, спрятанные под юбку неведомого Ему покроя и неизвестного пестрого

материала, изгиб уставшей и по-женски крепкой спины. Легкая верхняя часть одежды с разрезом во всю спину и единственной пуговкой у шеи, да черный непослушный волос — все это появилось для Него внезапно и сразу же приковало Его усталый взор.

Вагон был пуст. Вагон изобиловал свободными местами, но она, по какой-то причине, далее пары шагов не продвинулась, устало упав прямо у входа на поручень. Вся её поза говорила о крайнем утомлении и какой-то безысходности, а через разрез на спине на него глядел замок её бюстгалтера. Белье она носила фиолетового цвета, что для Него хоть немного, но все же говорило об обладательнице такового. Он был убеждён, что цветовые предпочтения в носимом женщиной белье говорит о таковой намного больше, чем все остальное.

Замок открылся легко. Он даже не успел осознать, что делает. Похоже, для неё это тоже стало открытием. Она подскочила на месте, закрывая руками свою грудь, где потерявший одно из креплений элемент женской одежды нарушил ощущение комфорта и вскрыл намерения того, кто это сделал.

Она стояла в метре от Него, ссутулившись, нервно поправляя то, что Он только что сотворил и взор её практически испепелял Его. Будь её воля, она бы задавила Его своими же руками прямо здесь, но что-то помешало ей претворить свои желания в действительность. Не произнеся ни слова, она отошла в сторону, присела на свободную дальнюю

лавку и погрузилась в себя.

Было ей уже за сорок. Сеть редких морщинок покрыла уже потерявшую девичью упругость и лоск кожу. Ровный слой косметики указывал на то, что она пользовалась ею давно и наносила с аккуратностью, тратя на это, должно быть, значительное время по утрам. Небольшая дамская сумочка – собственно и все, что было при ней, не считая массивного украшения на шее. Легкие сандалии довершали образ...

Она была явно чем-то удручена. Её взор метался, глаза жили своей жизнью, вспыхивая светом, бросая убийственные молнии в пространство, потом потухали и теплились лишь далеким огоньком, скрытым где-то в глубине пучины её темных зрачков.

– Вам не стоит меня опасаться, – подсел Он к ней. – Я не причиню вам вреда. Поверьте. Правда Я бываю временами не сносен. Но в этом все же имеется какой-то шарм!

Она хотела было вскочить, что-то сказать, но Он осторожно взял её руку, с легким нажимом удержал в своих ладонях, и она не нашлась что ответить.

Говорил Он. Невзирая на усталость, слова лились из Него сами собой. Ему даже казалось, что Он является всего лишь ретранслятором кого-то, говорящего Его устами. Усталость, ощущение не реалистичности происходящего, снимали с Него какие-либо ограничения и ответственность, и Он мог позволить говорить многое, едва ли не все, что только вздумается. Она, похоже, не особо вникала в произносимое

Им, зачарованная тем, как Он это делает. Их состояния породили резонанс и теперь Он просто так не мог оставить её, а ей был нужен кто-то, по крайней мере, на эту ночь...

Утро, как всегда, все разрушило. Свет взошедшего солнца, пробивающийся через закрытые шторы, развеял всю романтику их встречи, и сейчас каждый желал побыстрее избавиться от своего партнера.

Не говоря ни слова, Он принял душ, воспользовавшись её шампунем, гелями для душа и громадных размеров полотенцем. Вся процедура заняла не более пяти минут и чашка кофе, протянутая ею, говорила сама за себя: «В добрый путь!»

Она как-то под утро постарела. По крайней мере распущенные волосы, тонкий халат на голое тело, отсутствие косметики – видимо умывалась она уже после, ночью, когда Он забылся и спал сном уставшего ребенка. Глаза их ни разу не пересеклись. Он оценил её фигуру, вспомнил все её изгибы, форму груди, слегка выдающийся вперед, на удивление не потерявший своей упругости, живот и место схождения ног, куда он был допущен практически сразу, прямо в прихожей, не успев даже разуться.

Всю догу до её дома Он даже о чем-то говорил, она слушала, думая о своем и совсем не пыталась вынуть свою руку из Его руки. Он несколько раз хотел было что-то поправить, но каждый раз при попытке высвободиться, даже не на долго, она тут же сжимала его ладонь. И он тут же возвращал-

ся к ней. Жила она на районе, носящем название построенного ещё во времена индустриализации тракторного завода, в одной из безликих хрущёвок. Жила, явно, сама, но мужским вниманием, похоже, обделена не была. Его это не особо волновало. Это был тот самый случай, когда женщине нужен был кто-то. Кто-то на один раз или, по крайней мере, не на долго, без каких-либо обязательств и привязанностей. Его это устраивало. Собственно, к таким отношениям он в большинстве случаев и стремился, и, конечно же, лишь войдя в прихожую небольших размеров квартирки, тут же дал выход своему либидо, взяв все в свои руки, в том числе и её.

Он выпил кофе. Тот был горяч и чрезмерно сладок. Чрезмерно даже для Него. Все это время она стояла рядом, стояла опустив взор, водила ногой по линолеуму и о чем-то думала, о чем-то о своем.

Было желание сделать все «по-быстрому», прямо здесь, в том самом коридорчике, где все и началось, тем более, что Он был уверен – она будет не против. Или не станет сопротивляться... Но что-то внутри остановило его. И Он не стал портить всё, пускай и желанным, возможно даже ими двумя, актом, вместо достойного раставания.

Он вернул ей чашку, поблагодарил, обнял и совершил ритуальный прощальный поцелуй в шею. Хотел прикоснуться губами к щеке, но что-то в том было банальное. Подобный поцелуй отдавал чем-то официальным, приторно избитым.

Шея – совсем иное дело.

Дверь за Ним не закрывалась. Лишь прикрыв её, она провожала Его сначала взором, потом уже по звуку шагов на лестнице, до тех пор, пока внизу не хлопнула дверь.

«Жизнь удалась! – потянулся Он пройдя с полсотни метров по уже теплomu асфальту. – По крайней мере этим утром».

Район, некогда бывший обителью тракторостроителей, встретил Его, на удивление, утренней прохладой. Пышная зелень заброшенных насаждений и растрескавшийся, поднятый местами массивными корнями, асфальтом. Прохлада, ленивые коты, греющиеся в пятнах солнечного света, теплый асфальт, да редкие прохожие, – вот и все, что окружало Его по пути к метро.

Спускаясь в метро, пробегая быстро участок перехода, принадлежащий железной дороге и потому находившийся в двух минутах от состояния заброшенности, выскочив в освещённое пространство облицованного керамогранитом перехода непосредственно метрополитена, Он мимоходом вспомнил барышню, с которой Ему посчастливилось скоротать прошлую ночь. Образ сам собой всплыл в памяти и так же ушёл куда-то, откуда навряд ли уже вернется. Она осталась в прошлом, хотя, думал Он, вполне можно было бы внести её в перечень тех, у кого на непредвиденный случай можно было бы прислониться как телом, так и душой.

Порой так случалось, что «жизнь давала серьезную трещину» и требовался кто-то, кто мог бы создать ощущение не полной безнадежности существования, давал возможность окунуться в объятия уюта и чужого тепла. Несколько раз Его пытались «привязать» и остепенить, но внутрен-

нее ощущение поводка было невыносимо, потому при первых же признаках, что дело идет к более-менее серьезным отношениям, Он тут же увеличивал дистанцию, порой вообще скрываясь из виду. В этом был весь Он. Женщины его привлекали. Более того, без них Он просто не смыслил своего существования! Они были не просто необходимым атрибутом – они были смыслом Его жизни, но лишь до тех пор, пока не претендовали на Его личные свободы и не ставили ограничений на общение с иными особями своего пола.

Прохлада метро расслабила. Расслабила до состояния сонливости. Поезд тарахтел, попутно наполняясь пассажирами, спешащими на работу. Говорят, были времена, когда направление в сторону центра в это утреннее время было практически пустынным. Было то во времена бытности Союза, когда основная занятость населения приходилась на заводы и основной пассажиропоток направлялся как раз в сторону ныне заброшенных монстров советской индустрии. Теперь люди спешили в офисы, расположенные в иных частях города, в обратном направлении.

На Жукова в вагон уже не поместились все желающие. Девушки в джинсе с низкой посадкой врывались в сознание, стоило лишь открыть на миг глаза. Полупрозрачные топы, сандалии, оголенные животы... Руки сами тянулись прикоснуться ко всему этому, нарушая тем самым сразу как морально-этические нормы, так и отдельные статьи административного, а возможно и уголовно-процессуального кодексов.

Увы, солнце, метро, ощущение безысходности при первом шаге через порог офиса, все это уничтожило ощущение «удавшейся жизни». Напротив, усталость последних дней напомнила тут же о себе. В кабинет Он едва ли не ввалился. Ноги сами собой донесли Его до кресла, в которое Он тут же рухнул, желая лишь одного – забыться, послав всех подальше.

Ни о какой работе, естественно, речи идти не могло, и спасти Его была в состоянии, разве что, изрядная порция кофе. Кофе-автомат стоял этажом ниже, в комнате приема пищи, прозванного просто «Кухней». Стоял себе, горел лампочкой индикации и ждал, когда в него засыпят порцию кофе, залиют водой и... Кофе, естественно, не было. Но Он прекрасно знал где таковым можно было «разжиться». В шкафчике над автоматом исправно кто-то оставлял свою пачку, постепенно таявшую на глазах.

Кухня, вопреки Его ожиданиям, оказалась не пустынной комнатой, а даже очень обитаемой. Барышня была молодая, даже чересчур. Стояла она к Нему спиной и потому Он не мог определить что-либо по её лицу, хотя и взора с кормы было достаточно, чтобы уставший и опустошенный мужской организм тут же потребовал размножения во имя продолжения рода.

«Да уж, я бы с ней переспал!» – подумал Он и она тут же обернулась, устремив на Него свой ещё наивный взор неопытной девочки, вступившей во взрослую жизнь, но ещё

не успевшей достаточно познать таковую.

– Что? – переспросила она.

– Наверное это были мысли в слух, – пробормотал Он, пройдя мимо неё в сторону шкафчика с кофе.

– Ты захотел со мной переспать? – поинтересовалась она детским голосочком от которого Ему и впрямь захотелось исполнить это желание. Было в ней нечто, что пока ещё не раскрылось, но давало основания полагать о достаточно большом потенциале.

– Я совсем другое хотел сказать, – кровь забурлила, и Он покрылся краской. Она, к счастью, этого не заметила, глядя, должно быть, в упор, в спину.

Кофе, увы, в шкафчике не нашлось. Краснел Он в последний раз уже настолько давно, что даже забыл что это такое. Потому Он попросту застыл, не находясь что ответить и как действовать дальше.

– У меня есть кофе, – произнесла тоненьким голосочком она. – В стике, правда.

– Поделишься? – резко повернулся Он, отчего та отскочила на пару шагов назад, хоть и стояла метрах в семи позади.

– Да, – протянула она Ему стик. – Ты будешь здесь пить? Он и сам не знал где собирается пить кофе. Здесь? Почему бы и нет!

– Только если ты составишь компанию, – улыбнулся Он. И, видимо, улыбка оказалась столь измученной, что она тут же выразила все признаки жалости к Нему:

– Наверное устал?

Он и действительно устал. Днем работа, ненавистная и бесперспективная – благо что в офисе. Ночью та жизнь, которая влекла Его, хотя, моментами, что последнее время случались все чаще и становились все продолжительней, и эта часть Его естества вызывала отторжение. И тогда не хотелось жить, мир становился пустым, Он казался здесь лишним и тяжесть в душе тянула на край моста или вперед с перрона под очередную электричку. Но, естественно, все это было у Него внутри. Глубоко и недоступно ни кому. Его внутренний мир был только Его вотчиной, куда Он не пускал, пожалуй, вообще ни кого, создавая для охочих до близкого общения людей, искусственные, созданные под них, миры. Это было интересно и даже захватывающе, но часто миры не стыковались меж собой и общие знакомые удивлялись, когда оказывалось, что у них вроде бы как имеется общий знакомый, но такой неоднозначный в их трактовках.

– Это давление... – ответил Он. – Чайник ставила уже?

Чайник она, конечно же поставила, тот уже даже гудел, готовясь выдать порцию кипятка. Чашка, хозяйская, нашлась здесь же и трясущиеся руки в свете темных кругов в глазах отправились к ней.

– Звать то как тебя, девочка? – поинтересовался мимоходом Он.

– Я не девочка! – возмутилась та. – Мне уже двадцать пять лет, и я...

«Может и так. Может и двадцать пять, только последняя моя знакомая в этом возрасте уже имела двух состоятельных любовников, у которых бал на содержании и которым взамен этого доставляла определённые услуги-удовольствия, а в перерывах зарабатывала на перекрестке в вечернее время».

– Извини, я несколько резковат... – остановил поток её возмущения Он. – И все же, обращаться то к тебе как?

– Аля, – ответила она. – Алина я.

– Ну вот и прекрасно, Аля. Давай нальем себе кофе.

Аля оказалась достаточно интересной барыней, увлекающейся каким-то видом спорта, суть которого он понять не особо стремился. Связано это было с разбиением на команды, альпинизмом, выполнением чего-то вроде квестов и тому подобное.

В ней было что-то такое, что заставило пересмотреть к ней отношение, как к объекту приложения похотливой составляющей, забыть о ней вовсе, и просто посидеть и в течении минут пятнадцати просто попить кофе, поговорить ни о чем и не ощущать, что реагировать нужно сексуально, выбирать слова, оттачивать арсенал «самца» и периодами вбрасывать нечто веселое или забавное. Она оказалась чем-то таким, что не тяготило и не требовало дополнительных затрат энергии.

– Ну что, пора по рабочим местам? – кофе был допит.

– Да, идем, – несколько поспешно вскочила она. – Меня, наверное, уже кинулись.

«Навряд ли», – подумал Он, зная особенности утреннего офиса, но ничего ей говорить не стал.

– Что делаешь сегодня вечером?! – как-то само собой вырвалось уже на лестничной клетке. Он и сам удивился как это случилось. Естественным продолжением сегодняшнего дня должен был стать отдых. И ничего кроме него. Но извечная привычка охотника и ходока взяли сиюминутно верх над благоразумием и...

– Не знаю, – уставилась на Него она своим наивным взором. – Нужно спросить у мамы...

– Хорошо, извини, – отмахнулся улыбаясь Он. – Лучше забудь. Это плохая идея. Извини. – они разошлись.

– Напомни, откуда ты взялась у Меня в постели? – поинтересовался Он.

– Ты разве против? – удивилась Аля.

Откровенно говоря, Он был не против, но все же и спать с ней не спешил. Усталость требовала сейчас же забыться, женское же обнаженное тело под боком, прижавшееся каждой клеткой кожного покрова к Нему, требовало внимания и...

– Извини, Я устал, и потому...

– Ты ведешь слишком активную жизнь, – произнесла она. И в её девичьих устах это звучало одновременно забавно и с вызовом.

– Откуда тебе знать о Моей активности по жизни?! – улыбнулся Он.

– Говорят! – пролепетала она.

– С этим сложно спорить... – глаза сами собой закрывались, рука застыла на её талии.

– О Тебе последние несколько дней только и говорят, – продолжала она, не обращая внимание на то, что Он слушает её в пол уха.

– И это тоже неудивительно... Я даже не спрашиваю, что говорят.

– Карина на тебя злится. Говорит много нехорошего.

– Только Карина? Удивительно. Я ещё знаю по крайней мере четверых, кто имеет причины поддержать её в неистовом праведном гневе ко Мне.

– Ты с ними тоже переспал?

– Хуже...

– Что же может быть ещё хуже?! – удивилась она.

– Переспать – всего лишь физический акт удовлетворения базовых инстинктов. Не более. Когда вопросы целомудрия, девичей чести до свадьбы и подобные моменты улетучатся, ты это и сама поймешь. Куда опасней разрушить чужие мечты и обмануть ожидания.

– Это как?

– Это когда проводится связь между интимной близостью и переходом её в отношения. Они проводили такую параллель, а вот Я был, откровенно говоря, уверен, что на вопросе интима стоит остановиться. Отношения без обязательств, если понимаешь, о чем Я.

Она кивнула, сделав вид, что поняла и вновь всем телом прижалась к нему. Самое удивительное, Он не хотел её как женщину. Тело было бы не против, но переключатель в голове отделил такую линию поведения. Было в ней что-то такое, что располагало и могло привести, боже упаси, к дружеским отношениям или вообще – к отношениям. И здесь либо одно, либо второе. Говорили, что случается, когда дружеские отношения перерастают в нечто большее, но с Ним такого не бывало, или Он просто старался этого не замечать.

– Получается Ты их всех обидел...

– С их точки зрения – именно так дело и обстоит.

– А с твоей?

– С моей, – Он хотел провалиться в сон, сам не понимая, зачем сразу же после прогулки на набережной привел Алю к себе и практически с порога принялся её раздевать. Спать с ней Он не только не хотел, но, увы, сейчас и не имел сил, но выработанный, – или врожденный, – инстинкт доступности женского тела брал своё. – С моей точки зрения, Я бы сказал, что наши базовые установки отличны. Они хотят, по всей видимости, обязательств, меня же устроит и прелюдия к отношениям.

– Да? – Ему показалось, что она сама до конца того не понимая, желает того же, что и большинство его бывших. – И все равно, они говорят о Тебе много плохого. Наговаривают...

– Вот тут уж Я с тобой не соглашусь, – возразил он. — Запомни, если ты услышишь обо Мне что-то плохое – верь практически каждому слову, потому что это, скорее всего, будет правдой.

– Неужели ты настолько плох?

– Все зависит от позиции и критериев оценки. Мне нравится быть таким, каков Я есть. Согласно же их оценочных мерок – Я нечто жуткое...

– Не правда, – возразила она, неуверенно передвигая Его руку вверх по своему телу. – Ты не такой.

– Не стану тебя разуберять в твоих заблуждениях, – отмахнулся Он. – Извини. Устал. Я посплю, а ты, если хочешь, можешь посидеть за машиной... Только в папку фото не лезь... – через сон добавил Он. – Там... Там пока тебе не нужно смотреть...

Утро как-то сразу же не задалось. Он не выспался, она тут же полезла, желая ласки и тепла. У Него разрывалась голова, у неё, видимо, что-то иное.

– Не сейчас, – нервно отбросил её руку Он и встал с кровати.

Контрастный душ привел Его в относительно приемлемое состояние, и Он даже на какое-то время забыл, что утром в своей квартире Он не один. Но выйдя из ванной, присутствие Али вновь вернуло Его в угрюмое состояние.

Он не любил утро. Не любил за солнечный свет, что врывался в прорехи между шторами в комнату. Не любил утро за необходимость собираться и идти на работу. Не любил за то, что по утрам Его жизненный тонус был ниже нормы, порой даже ниже нормы, необходимой для выживания... Ненавидел Он утро за дам, что оказывались в Его постели прошлой ночью и от которых сейчас хотелось избавиться поскорее. Все это, естественно, не могло не сказаться и на Але.

– Что с Тобой? – прошептала она, вжавшись в матрас, натягивая одеяло едва ли не до самых глаз.

– Все отлично, – бросил Он, собирая разбросанную свою

одежду. – До выхода сорок минут. Ванная свободна. Там разберешься. Я пока сделаю кофе. – Он даже не смотрел в её сторону по ходу скрипя зубами.

– Хорошо, – выскользнула она из-под одеяла, естественно, не имея на себе ни единой детали туалета. Он проводил её взглядом, оценил стройную, в чем-то мальчишечью фигурку с узкими бедрами, такими же узкими плечиками, хорошо развитыми ягодицами, крепкими бедрами и маленькой грудью.

Она плескалась не долго, выскочив из ванной спустя менее чем через десять минут. Все так же, без одежды и немного смущаясь тому обстоятельству.

«Почему Я её вчера не?..» – мелькнула у Него шальная мысль. Она облачалась в комнате, на кухне уже стоял сваренный кофе, и Он пил вторую чашку, так и не дождавшись её.

– Прекрасно выглядишь, – впервые улыбнулся Он ей. Кофе и душ начали действовать. Он уже не видел в ней раздражитель.

– Спасибо, – с опаской бросила косой взгляд на Него она. – Это мне?

– Да, конечно! – предложил Он ей чашку. – Могу сделать бутерброды. Я утром не ем...

– Спасибо, – отказалась она. – Я буду тоже только кофе.

– Извини, – протянул Он не подымая взора. – По утрам я невыносим.

– Ничего... – отпила она из своей чашки.

Дорогу до работы они преодолели вместе. Она хотела бы-
ло взять Его под руку, но Он привычным жестом освободил-
ся от этого атрибута, неуместного по утру.

Женька едва втиснулся в поезд метро. Жил он где-то в районе Жукова и потому в самый час-пик имел все шансы просто не поместиться в вагон, невзирая на свою худощавую фигуру.

Толпа втащила его вовнутрь, прижала к противоположной двери и там же бросила, оставив самому барахтаться среди массы разгоряченных тел, спешащих по своим делам.

Больше всего, как водится, раздражали старушки. Нет, не то чтобы Жека к ним питал какое-то неуважение или относился предвзято, но их массовое присутствие в час-пик, во время, когда основная масса людей спешит на работу, удручало. Старушки ехали ради того, чтобы ехать, ибо проезд у них был льготный. Ехали на базары, с огурчиками на двадцать копеек дешевле, чем возле дома; в пункты приема стеклотары, где за пивную бутылку дают на пару копеек больше... При их льготном проезде и массе свободного времени эти поездки давали наряду с чувством причастности к жизни, которое они порой уже и не ощущали, ещё и кое-какой доход или экономию сверх того, что они имели возможность получить на рынке или в пункте приема стеклотары у себя на районе.

Одна из таких, невысокая, напоминающая изрядно переполненный бочонок пива, пахивающая соответственно,

тёрлась своими сумками и поношенным гардеробом о Жеку. Жека нервничал, вскипал, но врожденное чувство воспитанного кролика из советского мультфильма о Винни-Пухе, не позволяли ему ответить адекватно возникшему раздражителю.

Старуха нервничала не меньше него. Её переполненные стеклотарой и пластиком сумки то и дело кто-то толкал, наступал, грозя попортить драгоценный скарб, а то и просто отшвыривал, стараясь отодвинуть эту погань подальше от себя. Бабулька в выражениях не стеснялась, взмахивала руками, вспоминала свою нелегкую жизнь, кляла всех в округе, вспоминала времена развитого социализма и при каждой такой вспышке Евгению доставалось, наверное, больше всех.

– Разрешите пройти, – наконец он увидел освободившийся просвет в толпе, что на каждой остановке претерпевала определённых ротаций. – Мне туда...

– Иди, иди, – прохрипела в ответ ему старушка, которой выбросить весь свой негатив было просто необходимо, а предмет приложения такового не имел, в принципе, ни какого значения. Был это студент, что в тихую пинал её бутылки и потом весело смеялся реакции старухи на звон стекла, был ли то уставший и потому не разбирающий дороги клерк, спешащий на работу, или просто Женька, мешавший ей опереть свой массивный зад о двери, которые по всему следованию поезда, до самой конечной, так ни разу и не откроются.

– И вам всего хорошего! – огрызнулся Жека, проходя ми-

мо неё, а точнее, перепрыгивая через ворох оберегаемых старухой ценностей.

– Понарожают идиотов! – охарактеризовала в спину Женьку она. – А воспитывать потом не хотят. Вот в наши времена... – завела извечную историю, наверное, присущую каждому поколению.

– Привет! – кто-то дернул Женьку за штанину, когда тот продирался подальше от старухи, в центр вагона.

– Привет, – ответил машинально он и едва не проскочил говорящую. – Ты здесь откуда? – удивился он.

– На работу едем, – ответила ему Аля, широко улыбаясь, отчего её девичья застенчивость становилась фактором привлекательности.

– Я вот тоже. – попытался завязать разговор Женя. – А ты где живешь?

– Я была в гостях, – уточнила она. – Вот...

Он спал. Просто забросил голову назад и открыв рот сладко спал. Толпы проплывали мимо, порой толкали Его в ноги, иной раз кто-то вставал или садился. Аля ухватила Его под руку, но мир для Него сейчас не существовал. Он спал и легкий хрип вылетал из Его приоткрытого рта.

– Это... – Жека потерял дар речи. Улыбка сама собой сползла с его лица. – А Он что тут делает? Тоже в гостях был?

Аля смутилась, отпустила Его руку и даже покраснела. Жека спохватился, хотя улыбка так и не вернулась к нему на лицо. Он не знал, как реагировать. Не в первый раз он ви-

дел своего друга с дамой. Не в первый раз они висели на Нем или Он на них. Бывали они молодыми и глупыми или уже пожилыми и умудренными опытом, Он не особо в этом плане был переборчив, но как-то Его и Алё Жека рядом не рассматривал. Более того...

– Ясненько... – выдавил он из себя, глядя на сияющую, хоть и выглядящую усталой, Алё. – Ну что ж, когда все станет плохо, приходи... – помрачнев окончил он.

Всю оставшуюся дорогу они проделали втроем, так и не проронив ни слова. Выход из метро им удался непросто. Он просыпался тяжело, усталость давала о себе знать, сознание возвращалось ещё тяжелее. Утро, путь до метро и сон... Дальше Его просто не существовало.

Как-то умывшись за одиноко стоящим ларьком, Он пришёл в себя, даже попытался улыбнуться, протянув руку Жеке, но так ничего и не вымолвил.

Рабочее место Его ждало, как ждет спасательный круг на поверхности воды того, кто пытается спастись с тонущего корабля, предварительно выбросив тот самый круг за борт, а потом пустив корабль на дно.

– Ты совсем плохо выглядишь! – проплыла мимо Карина, потрясая своими бёдрами и маня упругой грудью. – Какие планы на вечер? – Он не понял, шутила она или нет.

– Переспать... – тяжело отшутился Он. – С тобой, естественно... – Его глаза сами собой закрывались. Хотелось кофе, женщину и спать.

– Это навряд-ли.

– Жаль, – вздохнул Он не открывая глаз. – А я так рассчитывал... На тебя...

Она удалилась, кокетливо повиливая бедрами, будучи уверена, что одержала только что небольшую, но победу. Его же захватывал сон.

– Подъем! – прохрипел на ухо знакомый голос, а не самая твердая рука встряхнула Его так, что голова сама обрела ясность. – Подъем! – продолжала трясти его рука.

– Всё, всё... – отмахнулся Он. – Я в порядке.

Игоря он не переносил органически. Не переносил его жизненной позиции, его высказываний, его скрупулезности к мелочам и желания всем угодить.

– Вставай, – уже аккуратней будил его Игорь. – Нас вызывают.

С Игорем они работали не то в связке, не то даже в одном отделе, но по факту даже не здоровались за руку. При чем последнее стало объектом комментариев коллег и один раз даже было вынесено на рассмотрение руководства. Тогда, перед руководством компании, они искренне улыбались друг другу, глядя лучезарными взглядами в глаза друг другу, пожимали руки, обещали крепить дружбу рабочими отношениями или ещё там чем-то, божились даже кажется, но по итогу ничего так и не изменилось. Он презирал Игоря, Игорь отвечал ему взаимностью.

– Что там такое? – удивился Он. Солнце проделало значительный путь по небу и его лучи, прорываясь сквозь вертикальные жалюзи, падали на Его рабочий стол.

«Это сколько же времени?! – удивился Он. – Начало одиннадцатого!» Выходило, что Он проспал более двух часов. Проспал на рабочем месте и ни одна сволочь-сотрудник не соизволила его разбудить! Или все же пробовал, но... Или не захотел связываться... Или... Но не важно, необходимо было вставать и идти.

– А вопрос то какой? Что брать? – крикнул Он в спину удаляющемуся Игорю. Игорь обернулся, что-то промямлил невразумительное и ушёл вперед.

Кабинет собственника находился этажом выше, являл собой мини-поле для гольфа и обдувался кондиционером, рассчитанным явно для полноценного гольф-поля. Потому прохлада, свалившаяся на Него сразу же при входе, взбодрила лучше хорошего ведра холодной воды.

– Разрешите? – вместо приветствия произнес Он.

Ему позволили, Он сел, расслабился в кресле и впал в угрюмое ожидание, когда же в очередной раз начнётся нечто, что для него будет стоять головной боли, ощущения безысходности от пустоты проделанной работы, а так же...

– Хм... – глядел на развалившегося в стуле собственник. – Он явно был чем-то взволнован, но начать не спешил.

Он ощутил всем телом этот взгляд. Ему показалось, что тысячи мельчайших электрических разрядов вонзились

в Него и пробивая насквозь мягкие части тела достигли позвоночника, простимулировав там уставшие нервные окончания. Он приободрился и сел ровно, стараясь держать себя в руках, хотя это было и непросто.

– Нас беспокоит состояние одного нашего сотрудника, – деликатно начал собственник, не сводя взора с Него. – Пришёл он к нам прилежным мальчиком, хоть и не после института. По крайней мере таковым он нам показался. За прошедшие годы зарекомендовал себя как отличный специалист, которым может гордиться любая уважающая себя компания. Благодаря ему мы пережили тяжелейший кризис. Благодаря его аналитическим способностям нам удалось наладить продуктивные отношения с партнёрами из Юго-Восточной Азии, выйти в Европу и начать проникновение на чёрный континент, а так же и в Арабский мир. Но наряду с этим, сначала не явно, но с каждым годом все более активно, на поверхность стала пробиваться его вторая сущность. Я бы с казал, его второе я, которое скрыто под толстым слоем логики и рациональности. Внутренние демоны стали брать над ним верх. Мы надеялись, что его брак с прекрасной девушкой решит эту проблему и он, наконец-то, остепенится, но прожив с ней совсем немного, он... они расстались. И уже после этого его, как оказалось, стало просто не удержать. – продолжал собственник, говоря о виновнике в третьем лице.

Он, естественно, уже понимал, о чем идет речь, и кто является предметом разбирательства в достаточно широком

кругу. Начальники отделов, директорат и даже несколько специалистов, среди которых, увы, была даже Катерина. Всего особей до двадцати, сидели за круглым столом, вертели ручки, комкали бумажки, но не отрывали глаз от Него, пронзенного взором собственника и, как Ему казалось, нанизанного на кол для всеобщего обозрения.

– Наша безопасность даже навела справки. Оказалось, что настоящее поведение – это не что иное, как рецидив. Я бы хотел так считать, по крайней мере. Рецидив прошлого. Рецидив того образа жизни, которого придерживался этот молодой человек и прекрасный сотрудник в лихие студенческие годы.

Увы, студенческие годы остались позади, вместе с ними и значительная часть здоровья, несбывшиеся мечты, не найденное место в жизни, а так же и несостоявшийся гений логики и математики. Рецидив?! «Нет!» – хотел ответить Он. Двойственность, а то и вообще многогранность натуры, от чего Он страдал, проявлялась всегда, сколько Он себя помнил. И то, что сейчас собственник называл рецидивом, было не что иное, как берущая верх иная сторона его натуры, в то время, когда логически-рациональная, уйдя на забастовку, оставила поле незанятым.

– Обильное употребление алкоголя, избыточность в отношениях с противоположным полом, приводы в милицию, после нескольких случаев пьяного дебоша и хулиганства, сон на рабочем месте – на все это мы до поры до времени закры-

вали глаза. Закрывали, пока это не стало сказываться на работе.

«А! Вон они куда...» – выдохнул Он, прогнозируя, будут ли Его воспитывать или сразу уволят. Но, похоже, пока что увольнять не собирались.

– Учитывая заслуги, отношение к делу и потенциал сотрудника, я думаю, мы должны дать второй шанс нашему коллеге, сбившемуся с пути, – продолжал собственник, бурявая взором Его. – Думаю, каждый должен найти в себе силы и принять участие в его судьбе, чтобы спасти специалиста и хорошего человека, – уже перегибал собственник. От его слов присутствующие едва сдержали гримасы удивления и отвращения. Но кили их лица были устремлены на Него, то и видеть их мог только Он, потому их невербальное отторжение предложения собственника осталось открытием лишь для Него.

– В советские времена в таких случаях сотрудника брали на поруки, – усмехнулся собственник. – Я бы хотел, чтобы нечто подобное было внедрено и у нас. Как Вы считаете? – обратился он к ИчАру. Та тут же подскочила на месте, поправила худосочной ручонкой свои стекляшки на носу и произнесла слащавую до тошноты речь корпоративного деятеля, которая сводилась все к тем же посылам: команда, командный дух, плечо товарища, профессиональный рос, взаимовыручка и работа на результат ради всеобщего блага. От её речи даже собственник сморщил нос, но все же похва-

лил барышню и продолжил:

– Прекрасно! – молвил он. – Я рад, что мое предложение нашло одобрение среди коллектива. Потому, думаю, кураторами, давайте их назовём так, предлагаю назначить наиболее близких коллег и, я уверен, друзей заблудшей души, – собственник обвел всех присутствующих взором. Половина из них тут же втянула в плечи шеи и стала невидима. – Я думаю, лучше всего с этой задачей справятся Игорь и Карина.

Это был даже не гром среди ясного неба! Это был приговор!! Он было тут же хотел подскочить, произнести встречную речь, изобличить, вспомнить, высказать все, что за столько лет накипело, вспомнить месячные командировки, что стало одной из причин разлада в семье, а потом... а потом Он не нашёл в себе сил не только подняться и уйти, но даже обставить тот эффектной речью. В Нем просто не нашлось сил.

Игорь и Карина тоже не особо горели желанием взвалить на себя ответственность за Него. Но промолчали, закусив губы.

– Вот и прекрасно. Теперь я хотел бы, в завершение нашей встречи, услышать от виновника торжества что он думает по этому поводу и...

– Он думает... – вырвалось у Него, и тут же спохватившись, неоднозначно добавил, – Он думает, что все будет хорошо.

– Ну вот и прекрасно! – окончил совещание, которое та-

ковым, собственно, и не было, вставая собственник. – Можете вернуться на свои рабочие места.

Ночь Он провёл прекрасно. По крайней мере такого чувства облегчения и радости по утру не испытывал уже давно.

Сон Его поглотил целиком, лишь только Он добрался до своего жилища. Вторая половина дня прошла в косых взорах сотрудников, до коих Ему не было большого дела, в периодическом, наигранно-материнском, а потому ироничном и в чем-то даже с элементами издевки завуалированной под заботу, внимании Карины. Карина появлялась у Его рабочего места с завидной регулярностью, клала руки на плечи, произносила нравоучительные речи, посмеивалась при этом, обещала сделать из Него человека и всячески уклонялась от встречных попыток прикоснуться к себе. Это для неё была игра, которая пока забавляла и суть которой она до конца ещё не осознала.

– Карина, дорогая, – просил Он, потирая глаза. – Давай поговорим завтра. Я сейчас...

– Но как же завтра, дорогой! – вскидывала она вверх свои руки отчего становилась высотой с Эйфелеву Башню (по крайней мере таковой она в тот момент казалась), угрожалась и продолжала. – Обещания начать новую жизнь с завтрашнего дня – это Твоя излюбленная фраза! – напомнила она. – Ты на мне даже жениться как-то обещал. С понедельника, правда, а пока...

Он такого не припоминал, но и исключать не стал бы – мало ли чего наговоришь барышне, в состоянии алкогольного опьянения, особенно когда добиваешься от неё вполне определённых уступок.

– Хорошо, начинаем сейчас! Только оставь Меня в покое. Я начинаю трезветь и становиться на путь исправления... – отмахнулся Он.

Но, увы, Карина упивалась ситуацией. Её вдохновляла возможность ответить своему обидчику, негласно переданному ей на перевоспитание и потому, как она считала, теперь зависимому от неё.

– Дорогой, – шептала она с придыханием на ухо. – Теперь, если хочешь, чтобы у нас с Тобой было все хорошо, и наш собственник больше не расстраивался в отношении Твоей персоны, нужно ставить меня в известность о своих перемещениях...

– А лучше перееду Я к тебе домой и поселюсь рядом с холодильником! – парировал Он, потирая голову.

– Обязательно! – простонала она на ухо, имитируя былую их близость, добавив теперь в это элемент сарказма. – Я тебе прямо возле него и постелю. Ковричек!

– Это было бы великолепно! – кивнул Он, видя её отражение в мониторе. – Именно о такой жизни я и мечтал. Беззаботная жизнь на чем-то теплом с доступом к пропитанию и к телу...

– А вот тут, дорогой, придётся перебиться! – прошептала

она, поглаживая Его по голове. – Это нужно ещё заслужить.

– Буду служить! – отрапортовал Он, – Как сторожевая собака! Только корми, пои, коврик не отбирай и по весне случку организовывай...

– Ну и хамло же Ты! – хлопнула ладонью по щеке она играючи. – Собственно, чему я удивляюсь?!

– Ничего не могу с Собой поделать в обществе столь обворожительной и временами доступной особы, – поморщился Он, но удержался чтобы не поднести руку к лицу.

Отделаться от Карины оказалось делом невероятно сложным и лишь мужской санузел, извечный друг унитаза и кафельная стена справа, позволили остаток рабочего дня провести в относительном спокойствии. Собственно, спать Он начал уже там, а продолжил дома...

Разбудили Его хлопающие двери. Рабочий день оканчивался, сотрудники готовились к отходу по домам.

В коридоре, сразу же за дверями, Его ждала Аля. Просто стояла под стенкой и ни куда не уходила. Похоже, ни кто не обращал на неё внимания и она старалась таковое не привлекать.

– Привет! – улыбнулась она, только лишь Он появился в проеме двери.

Спали они вместе. Но спали раздельно. Он, даже не раздеваясь, рухнул на кровать и тут же заснул. Она, лишь вздохнув от выпавших сегодня тягот, отправилась в душ.

Ночь выдалась тяжелой. Не в пример предыдущей. Даже изрядно напиваясь, Он спал куда лучше.

Всю ночь Ему снились яркие насыщенные сны, полные тревоги и скрытой опасности. Порой Он срывался и падал на дно глубокого оврага, в траву, что тут же хватала Его и не желала отпускать. Вырвавшись из её объятий, Он просыпался и чувствовал, как что-то руки отдаляются от Него. Он видел Алю и вновь закрывал глаза. Овраг ни куда не исчезал, а его отвесная стена не позволяла двигаться дальше. Но Он знал, почему-то знал, что Ему нужно именно туда, вверх. Не в сторону, не вниз по ущелью, а именно вверх, к звездам и лунному свету, что там, наверху, должно быть разливается по бескрайним просторам степи. И Он карабкался, напрягался всем телом, срывался, падал и вновь ощущал крепкое прижатие то ли рук, то ли травы, вырывался, отшвыривал всё это назад и вновь лез наверх.

Подъем казался бесконечным и неимоверно трудным. Подыматься оказалось куда сложнее и неприятней, чем предаваться свободному полету в бездну, на дне которой Его ждал до того сокрушительный удар. Но Он как-то очухался, пришёл в себя и чувство самосохранение, что голосом в голове твердило о необходимости поскорее покинуть дно оврага, гнало Его вверх, иначе... Но что иначе, Он уже не мог различить, потому что под Его ногами, ровно там, где Он только что лежал, цепляя Его даже здесь, на высоте в десятков метром, пронеслась селевая лавина, сметая все на своем

пути. Пронеслась и оставила за собою мутное пятно из жижи, песка и мелкого камня. Дороги вниз теперь уже не было, а останься Он там, внизу, поддайся на уговоры второй своей половины, то быть бы Ему сейчас погребенным под толщей глины, песка да мелкого камня, быть залитым этой селевой массой и тогда...

Но Он все же начал путь, и теперь каждая секунда промедления стоила Ему потерей сил, сил, которых так не хватало. Слабость, лень и головокружение накатывались на Него. Каждое движение вверх давалось всё с большим трудом. Каждая травинка, за которую Он хватался, каждый камешек, на который Он опирался, любая расщелина – все сейчас годилось, лишь бы вверх, лишь бы подальше отсюда...

Пот заливал глаза, рубаша превратилась в единый мокрый ком от которого хотелось избавиться. Ветер порывами пытался отодрать Его от вертикальной поверхности стенки оврага, песок и камни, сыпавшиеся откуда-то сверху, попадали в глаза, засыпались за шиворот и там, смешиваясь с потом, превращались в абразивную смесь, что тут же размазывалась рубашкой по спине.

Но Он двигался, прилагал столько сил, сколько, казалось, не истратил за всю свою жизнь. Каждый сантиметр, каждый уступ, все запечатлевалось в Его сознании. Он давно потерял границу где кончается сон, а где начинается реальность. Все было реально, настолько реально, что Он удивлялся обилию красок, их насыщенности и качеству проработки дета-

лей. Он ощущал, что это, должно быть, сон, но при том не давал себе в этом уверовать, ибо, уверуй Он в это, вся борьба оказалась бы напрасной.

Стена понемногу сдавалась, уступала, уходила вниз, где пронесся ещё не один поток, превратив приятное лежбище из высокой травы в несовместимую с жизнью среду. Верхний край стены оказался неровным, с осыпавшимися вниз значительными фрагментами, непрочными корнями трав, росших настолько далеко, что до них было так сразу и не добраться. И тут то Он осознал, что подъем был не самой сложной и трудоемкой частью всего предприятия собственного спасения. Предстоял куда более сложный и затратный с точки зрения сил и времени процесс, чтобы преодолеть тот предел, который разделяет отвесную вертикаль и покрытую невысокой и уже пожухлой травой горизонталь.

Он тянулся изо всех сил, мокрая рубашка скользила по поверхности, и Он, в который раз, сползал вниз, так и не сумев закрепиться. Сверху светила луна, блестели звезды, шумела ночная мошкара, а под руками в очередной раз оставался клочок травы, вырванный при очередной попытке.

Сон сменялся явью, явь входила в сон, и Он ощущал чье-то тепло, разливающееся по спине, чьи-то руки и горячее дыхание в затылок. И вновь явь уходила, возвращая Его в сон.

Как оказался наверху, Он не понял и не помнил. Он просто лежал на спине, тяжело дышал, а сверху блестели все те же звезды и Млечный Путь, зовущийся здесь Чумацким,

россыпями звезд звал Его в дорогу. Усталость не позволяла Ему подняться, последние силы ушли на подъем и борьбу с краем обрыва, но Он был уже наверху! Внизу, в овраге, вновь что-то зашумело и Он был рад, что сейчас находился не там. Все было хорошо, Он перевернулся на бок. Руки болели, сорванные ногти кровоточили, изодранная спина исходила зудом от попавшего туда песка, но Он был спасен и видел то, ради чего проделал этот путь. Прямо посреди бескрайне степи, как Он и представлял себе, залитой лунным светом, стоял дом. Дом Его мечты!!! Не иначе!!! Двухэтажное строение из дерева и стекла. Покатая крыша с изящными коньками, двери цельностеклянные во всю стену и за ними уют и спокойствие, что влеки и были сейчас залиты светом. Дом стоял прямо посреди поля и ни ограда, ни палисадник, ни единое деревцо или куст не добавляли картины своим присутствием. Дом стоял сам по себе и даже дороги, ведущей к нему, не было.

Он поднялся весь преисполненный радости и вдруг осознал, что дом столь же далёк, как и тот подъем, который Ему пришлось пройти... И Он был готов проделать и этот путь, но... В сон ворвался звук будильника. Будильник своим надсадным китайским потикиванием был способен извести любого и, естественно, сон поплыл, картина потеряла ясность, цвета как-то сразу стушевались и Он, подхваченный волной, тут же был выхвачен в реальность... Но за миг, за один небольшой миг, что отделял Его от реальности, дым-

ка в Его видении подернулась, и Он увидел все так, как не видел до того. Идиллия вдруг рухнула, поле превратилось в изъеденную язвами поверхность, кишащую неведомыми Ему омерзительными существами, а дом, точнее то место где тот только что стоял, превратилось в груды развалин, поросших вековыми мхами и превратившийся в прибежище ещё более отвратительных и опасных тварей.

Пробуждение было не из приятных. Ощущение того, что Его избили громадным молотом, наилучшим образом описывало состояние, в котором Он скатился с кровати. Действительно, рубашка, с которой он вчера не успел расстаться, висела изрядно промокшим комом на нем. Пот оставил по себе след и на простынях. Он с трудом поднялся, а из дальнего угла кровати, куда, похоже, в порыве страха она и перебралась, смотрела на него своими девичьими глазами Аля.

Ему стало стыдно, и Он поднялся на ноги. Поднялся, пошатнулся и едва не упал. Он жутко устал, устал прошлой ночью, устал во сне и сейчас хотел лишь одного – избавиться от этой особы, принять душ и завалиться спать, желательно с пухлой соседкой, что прекрасно готовила борщ, не требовала изысков в обращении, и наилучшим образом подходила в подобные минуты.

Но впереди предстоял непростой день. Непростой хотя бы потому, что... Он не находил слов.

Если говорить о состояниях, которыми Он каждый раз характеризовал утро, пропуская то через призму своего сегодняшнего самочувствия и восприятия действительности, то утро было неопределённым. Солнечный свет едва прорывался через тяжелые тучи, плотно устлавшие небосклон, редкие порывы ветра колыхали не просто листву, грозя попутно разделаться и с ветвями. Пешеходы, кутаясь в плащи и куртки, одетые не по сезону, спешили побыстрее проделать свой путь, убраться с неприветливой улицы побыстрее домой.

Погода разыгралась не по сезону. Он взглянул в окно, в прочем, без какого-либо интереса, и сделал глоток кофе. Кофе обжег гортань и свалился комом в пищевод. Но и это не беспокоило. Сон оказал на Него неизгладимое впечатление и, на удивление, не растаял вместе с приходом утра.

Не будучи по натуре приверженцем в подобном видеть принимать пророческие начала, Он все же не отрицал способностей мозга работать в ночное время, в какой-то мере даже автономно, анализируя некие входные данные, что были туда заброшены ранее. «Наверное, это что-то да значит!» – прорвалась одна из немногих оформившихся мыслей в это утро и Он удивился, что она, мысль, так же как и сон, появилась сама собою, в отрыве от Него.

Дело в том, что Ему нравилось то, как Он жил. Не то чтобы всё было идеально, но уж и совсем не плохо. Алкоголь позволял притупить чувство социальной неудовлетворенности, наркотическое опьянение развязывало руки, вы-

пускало наружу Его естество, а обстоятельства все делали уже за Него. Он пил, употреблял, любил женское общество, таскался по злачным местам, попадал временам в переделки, как-то из них выбирался, но о том, чтобы кардинально сменить свою жизнь, о том даже не помышлял.

«Законы человеческого сосуществования, этическая и правовая стороны, – все это ограничивает человеческие свободы ради одного – выживания общества!» – вертелось у него в голове. И действительно, изобретенные или данные, как считали адепты церквей, нормы поведения были призваны сдерживать человеческую массу в определённых рамках, контролируя ту на микроуровне, на уровне отдельного индивида. Когда-то кем-то осознанные, за тысячелетия эти нормы были так глубоко инсталлированы в сознание каждого индивида, что, должно быть, передавались на генетическом уровне. Ограничения, ставшие давно нормой, служили всеобщему благу, спасая большинство от неуравновешенных единиц.

Этические нормы регулировали процесс воспитания и поведения, правовые оберегали общество от злоупотребления тех, кто нормами этики пренебрегал...

Должно быть, у каждого бывали моменты «озарения» в жизни, когда от удивления и ярости кипела кровь, потому что тот, кто поступал неверно, нарушал установленные правила, преступал закон или нормы этического поведения, оказывался в выигрыше. Те же, кто строго придерживался

правил – всегда проигрывали в такой ситуации. Но в том-то и дело, что созданные для выживания общества как чего-то цельного, все эти нормы в значительно мере ограничивали каждый индивид. И тот, кто вырывался по той или иной причине из этих, с позволения сказать, оков, тут же воспринимался как нарушитель спокойствия и представлял опасность для всего общества. С таким боролись. Боролись всеми допустимыми способами, в том числе и радикальными.

Но что делать тем, кто всей своей сущностью ощущает всю искусственность системы, для кого лицемерие окружающих хуже потери собственного лица, кто ненавидит фальшь и нормы, заставляющие его быть обыденной серостью? Что делать таковым?! Что делать им в обществе, которое принципиально не воспринимает отщепенцев, индивидуалов, не таких, как они? Общества, которое ненавидит успех других, скрывая его маской лицемерного восхищения, за которым скрывается искаженное лицо лютой ненависти, злобы и зависти?! Что делать бунтарям в обществе, в котором бунтарей и лиц неординарных истребляли на протяжении столетий? Ответ один – спиваться...

Спиваться. Спиваться, уходя таким образом от действительности, которая не позволяет иным образом выразить свой протест, проявить себя, стать чем-то, что намного ценнее пресловутого «винтика в едином механизме»!!!

Он таким был не всегда. Значительную часть жизни Он помнил себя прилежным мальчиков, безоговорочно вы-

полнявшим все наставления старших. Старшие говорили, указывали и направляли, формировали Его самосознание. Он же им верил и знал, что уж Они то Его точно не обманут. И вот теперь, достигнув возраста тех, кому Он в свое время беспрекословно подчинялся, с горечью осознавал, что Им откровенно манипулировали, заставляя делать то, что было выгодно взрослым, ни как не заботившимся при этом о Его взрослении, развитии и способности справляться с проблемами.

Мысли неслись мутной рекой в Его сознании, действительность проходила мимо, холодный ветер обжигал и заставлял дрожать, тело жило своей жизнью, борясь за выживание, мысли же уносили Его в прошлое, когда Он впервые ощутил разочарование, потому что девочка – ещё школьница – поступила не так, как Он того ожидал.

Наивный и доверчивый – Он сам удивлялся как смог дожить таким до девятого класса – вступил Он в пору полового созревания, когда подспудные мысли и гормональный фон требовали чего-то того, о чем взрослые беседы с ним доселе не вели, друзья лишь посмеивались, рассказывая полные наивности вещи, а девочки выросли и наливались, вызывая почему-то те чувства, которых заочно Его заставляли стыдиться.

Спуск в метро не занял много времени, Аля послушано семенила следом, опасаясь даже приблизиться к Нему. В таком состоянии Он предстал ей впервые – угрюмый, резкий,

погруженный сам в себя, полный контраст вечно ироничному страдающему похмельем персонажу, который ей приглянулся едва ли не с первого дня. Она следовала за ним по пятам и непонятные ощущения наполняли её, огонь разливался по телу...

Примерно те же чувства и то же огонь испытывал и Он, когда однажды, то ли после осеннего бала, то ли после иного мероприятия в школе, впервые оказался наедине с... Он помнил её досконально. Помнил эту вызывающе вздернутую юбку, отделанную снизу синими кружевами, серую блузу, обтягивавшую уже частично сформировавшийся девичий стан, запах выпитого алкоголя и громадные серые глаза, в которых горел огонь. Он помнил все, кроме её имени...

Она поцеловала Его тогда первой. Просто так взяла, зафиксировала голову своими руками и впилась губами. Он опешил, растерялся и не знал, что дальше делать. Непослушные руки куда-то лезли, что-то дергали, где-то гладили... Он потерял голову, а когда её обрел, то стоял всё в том же темном закоулке, улавливая остатки аромата алкоголя, выпитого нею. Но Он стоял один. Она исчезла, оставив Его здесь одного. Потом Он весь вечер её искал. И ему казалось, что вот-вот, сейчас, за углом Он догонит её веселый смех. Но лишь оказывался там, как встречал пустоту и лишь тот еле уловимый смех указывал путь дальнейшего преследования. Ему казалось, что она шутит над ним, быть может даже издевается, постоянно ускользая, заставляя преследовать и догонять.

Но, увы, ей до Него дела не оказалось. Под самый конец вечера Он настиг всё тот же смех и был пригвожден к земле зрелищем, когда один из его друзей... Нет, для Него это было тяжелым зрелищем и крушением всех надежд. Последний год или около того, Он жил ею, ловил её взгляд, собирал информацию и мечтал... Ему казалось, что она если и не знала о Его увлечении, то уж точно догадывалась и от того ещё болезненней был тот факт, что финалом послужил непродолжительный момент в темном закутке вечерней школы, к которому Он, к слову, оказался не готов.

Ещё какое-то время Он жил ею, горечь, ненависть, ревность и презрение к себе переполняли Его, особенно когда она показательно, издеваясь над Ним, целовалась прямо на уроках то с одним парнем, то с иным... Это было больно... Больно было видеть её и больно было слышать от друзей пересказы историй их мимолетного единения, во многом, конечно же, правдивого, но не без элементов прикрас.

Не то чтобы Он стал посмешищем. Нет. Над ним подшучивали, как, в прочем, все достижения возраста полового созревания подростки подшучивая стараются самовыразиться, порой за счет унижения окружающих. Но осознание того, что Он оказался не готов к такому повороту событий, а так же то обстоятельство, что нарушитель правил и установок обязательно выигрывает – стали для Него открытием, перевернувшими в значительной мере мир.

В нем родилось нечто, что желало протестовать, но про-

тестовать права не имело. Ломка цельной личности произошла мгновенно и незаметно для окружающих. Внутренние демоны взяли верх в «потусторонней» жизни, заключив соглашение разделить бытие на два отдельных лагеря.

В метро Аля присела, хотела было прижаться к Нему, но выражение Его лица, отрешенное, угрюмое и агрессивно далекое, остановили её порыв. Она встала рядом, соблюдая при том дистанцию приличия.

Сила Его воспитания была столь сильна, что даже осознание многогранности мира и неадекватности многих постулатов, вложенных в Его голову, не смогли проломить гранит социальной ответственности и культуры поведения в обществе. И под этой плитой, придавившей своей тяжестью Его целиком и полностью, развивалось то, что противоречило устоям общества и тем морально-этическим установкам, что в него закладывали.

Рано или поздно вторая сущность должна была о себе заявить. И по вступлении в годы студенчества, избавившись в значительной мере от родительской опеки, вторая сущность выплеснулась наверх, оставив нетронутой плиту добропорядочности. Выплескиваясь, преимущественно, по ночам, вторая Его сущность требовала предельного разгула, алкоголя, женского общества, мордобоя и прочих неподобств. Ночью Он мог таскать за волосы проститутку, решившую умыкнуть у него последнюю десятку, сочтя Его уже спящим, а следующим утром узнать, что той проституткой,

снятой где-то под Госпромом, оказывалась барышня Его потока, теперь со страхом и ненавистью с похмелья взиравшая на Него. Днем Он искренне извинялся, произносил слова о том, что и Сам не понимает, как такое могло произойти, угощал её кофе и печеньем, тратя на неё даже больше той самой десятки, – теплые чувства уже начинали переполнять Его, невзирая даже на то, чем она была и чем занималась, и в тот же вечер, у себя, с неопишуемой яростью вновь терзать её тело. Правда на сей раз без рукоприкладства и вырванных волос.

Собственно, первой постоянной Его девушкой и была та самая, с которой он днем был предельно обходителен, а ночью вторая Его сущность требовала совсем иного. Он её устраивал, она Его тоже... И ни её, ни Его не смущало то обстоятельство, что у Него были иные партнерши, претендовавшие даже на больше, чем просто отношения, как в прочем, и у неё не только одноразовые клиенты, державшие её продолжительное время при себе...

О той поре Он вспоминал неоднократно и считал её едва ли не самым счастливым временем в своей жизни. Его вторая сущность позволяла быть тем, кем Он не мог быть в обществе. Аморальность ситуации, наплевание на нормы и правила, возможность высказывать свой протест таким образом, при общей порядочности и даже сострадании к ближнему в обществе, чтящем принятые нормы поведения, позволяли Ему жить жизнью, дающей полное удовлетворение.

Он прекрасно понимал тех, кто окончив трудовой день, накопив массу отвращения и негатива, стремился всё уравновесить ночной жизнью, игрой в азартные игры, разгулом с путанами или стрельбой в Лесопарке. Но то был лишь выход, разрядка, сиюминутная потребность, у Него же это был стиль и смысл жизни.

Днем Он был идеалом, или близким таковому, ночью же, ускользая от очередной своей пассивности, не готовый принять Его таким, каков Он был, уходил в мир, где Его ждали совсем иные люди и иные ощущения.

Все рухнуло, когда её не стало! Что произошло, для Него до сих пор оставалось загадкой, но её нашли где-то в районе Сумского рынка. По ней проехала машина, сначала в одну сторону, потом назад. Что это было? Это был умышленный наезд? Случайность? Кара за непослушание или месть ревнивца?! Всё это осталось тайном. И для Него все тут же кончилось.

Золотой век даже не исчез – он прекратился, как прекращается фильм в кинотеатре, когда в том вдруг исчезает электроэнергия. Вот сейчас все было, зритель с головой погружен в происходящее, и вдруг всё – темнота. Темнота, непонимание, недоумение, сменяющиеся сначала страхом, а потом ненавистью.

Это была ещё одна переломная веха, которую Он переживал куда тяжелее, чем все предыдущие.

– Мы почти приехали! – вдруг вышел из ступора Он,

вновь став живым человеком. — Аля, ты задремала!

Аля действительно дремала. Практически спала, стоя на ногах, прислонившись к двери спиной.

— А? Что? — встрепелась она. Всю прошлую ночь, пока Он боролся с отвесным склоном, преодолевая того во сне, она практически не спала. Сон её можно было назвать условным и ничего не было удивительного в том, что усталость взяла свое уже утром, в метро.

— Наша... — говорил Он об остановке метро.

— А! Да! Точно! — подалась к выходу она.

«Наверное, это все же был вещий сон!» — мелькнуло в голове, лишь Он переступил порог работы.

«Если вещий, то добавь ещё что был сон в руку!» — догнала вторая мысль.

«Тогда за ум браться нужно! — легкая ехилдина дополнила уже сказанное. — А то гляди, следующий вещий будет о земельке сырой или о пижамке полосатой... а то и стенах желтых да дядях больших и добрых в халатах белых.»

«Ну и мысли же в голову лезут!» — сразу несколько собеседников общались в голове.

— Опять пил? — скривилась Карина, лишь увидев Его на пороге кабинета.

— Нет, — вполне серьезно ответил Он.

— А выглядишь так, что лучше бы пил... — смирив взором презрения Алю она. — Жутко выглядишь.

– Не имею сил с тобой спорить, – согласился Он и в Его словах не было и тени иронии. – И чувствую себя точно так же.

– За голову тебе братья давно пора, голуба! Ты же не мальчик, чтобы водку литрами пить и с бабы на бабу скакать.

– Истину глаголешь! – кивнул Он. – Я, похоже, пришёл к такому же выводу...

– Тогда я рада за тебя, – улыбнулась снисходительно она. – Если дело обстоит так, то можешь рассчитывать на мою поддержку.

«Был бы рад получить расширенный пакет помощи!» – едва не отшутился Он в том стиле, который был нормой для второй Его сущности.

– Спасибо за помощь, дорогая, – повернулась Карина всем своим ростом в сторону Алины. – Признательна. Принимаю из рук в руки. – хищно улыбалась она.

Аля что-то пробормотала и поспешила ретироваться, чувствуя себя каждую минуту, начиная с прошлого вечера, не в своей тарелке.

Она так быстро исчезла, что Он даже и не заметил, как это произошло. Хотя, если честно, то Ему было сейчас совсем не до неё, как, в прочем, и все время, которое Аля пребывала в состоянии неуверенности.

– Ну что, милый, – вложила Карина в это слово весь сарказм, на который была способна. – Позволь за тобой поуха-

живать. — стряхнула несуществующий волос с Его плеча она.

Он закрыл глаза, развалившись в кресле, позволив хоть какое-то время событиям нести Его в вольном плавании. Карина суежилась рядом, то ли действительно переживая за Его состояние, то ли наслаждаясь своим реваншем. Он же не сопротивлялся, меланхолия одолела Его окончательно.

— Может чаю изволите, государь?! — шутила она. Он изволил и легкое похихикивание подруг Карины Его ни сколько не задевало.

В голове крутился сон вперемижку с отдельными воспоминаниями из прошлого, причем всплывали и такие, где фигурировала и Карина, полуобнаженная и...

Чай, увы, оказался не сладким. Не столь сладким, как Он привык. Ранее Карина ни когда не ошибалась с количеством сахара, прекрасно зная Его вкусы, сейчас же... «Не важно...» — отмахнулся Он и продолжил вливать в себя горячую жидкость не ощущая даже её вкуса.

— Как наш ловелас? — вдруг на горизонте образовался Игорь и тут же кулак, повинаясь мгновенному порыву, ринулся в его сторону. Игорь успел увернуться, отскочил в сторону и в недоумении застыл там. Видимо произошедшее для него стало неожиданностью и, как показалось Ему, Игорь был вообще не готов решать вопросы физически. Не сейчас, а в принципе. Этаким мальчик-размазня, которым когда-то бы и Он, но которому в определённый момент помог жизненный перелом, а вот Игорю...

Он ненавидел Игоря. Ненавидел на уровне подсознательном, как ненавидят кого-то только за то, что тот существует. Игорь олицетворял собой тот индивид, что являл собой прекрасного специалиста, но «откровенную гниду» когда дело касалось человеческих отношений. Что-то глубоко сидело в нем, что-то такое, что заставляло его не только поступать, но и мыслить, быть продолжением своих глубинным комплексов, протест которых выражался в мелком пакостничестве, наушничестве и откровенной зависти и потому ненависти практически ко всем окружающим.

Он взглянул на Игоря, на его осоловевшие глаза, на трясущиеся от выброса адреналина руки, которые тот даже не посмел поднять вверх и Его вдруг озарило! Он увидел себя. Именно себя, ни кого иного. Того себя, которым Он мог бы стать, если бы в определённый момент вторая Его сущность не взяла верх, если бы Его подруга, не мыслившая себя без пристрастия к древней профессии, не откорректировала в значительной мере Его картину мира, и, наверное, если бы потом с ней не случилось того, что произошло... Он бы, скорее всего, вырос из штанишек мальчика-нюни, при том бережно храня те самые штанишки где-то глубоко в подсознании. Игорю не повезло. По крайней мере так казалось сейчас Ему. И если Он был в отношении Игоря прав, то тот жил так же двойственной жизни, скрывая от посторонних ранимость своей натуры, защищая её теми способами, которые позволяли избегать прямой конфронтации, потому что лю-

бое столкновение лоб в лоб для него было бы фатально.

Он ненавидел Игоря, и теперь, Ему казалось, понимал за что! За то, что тот был Им самим, той модификацией, которой Он мог бы стать, но по воле случая не стал. К счастью или, напротив, к самоуничтожению, – сказать не мог.

Игорь был классическим случаем повзрослевшего инфанта, которых плодила в невероятных количествах сегодняшнее общество. Плодило в таких количествах, что они теперь становились нормой. Инфантильного создания, всеми силами старающегося это скрыть и болезненно воспринимавшего любые попытки его в том обличить.

– Я, это... – попытался извиниться Он, но слова пропадали. Такое с Ним бывало, когда речевой центр отказывался работать согласованно с процессом мышления. Мысли формировали образы, Он даже был готов произнести речь, но...

– Да ничего, – махнул рукой Игорь и улыбнулся, – Ломка после алкоголизма, она...

И Он вновь его возненавидел!!! Лучше бы Игорю было сейчас промолчать, но тот, отойдя на приличное расстояние, извинял Его теми словами и тем образом, за который ранее Он хватался сразу же за арматуру.

Он попытался взять себя в руки и сосредоточиться на чашке с чаем, потом на работе, потом на фигуре Карины, но Игорь все не шёл у Него из головы и в том состоянии, в котором Он пребывал, Игорю лучше всего было бы вообще не приходить на работу. Хотя бы недельку.

В который раз Он погружался в воспоминание своего сна, было в нем нечто, что не отпускало Его. Всё столь символично, что кажется искусственным напускным одеялом, призванным покрыть собою нечто иное. И вновь что-то ускользало от Него.

– Что тебя гложет, дорогой? – сладко, издеваясь, в очередной раз подошла Карина. Она вообще, всю первую половину дня кружила вокруг, как кружит акула, готовясь ринуться в атаку, но пока не находя жертву достаточно уязвимой, выматывая её таким образом.

– Я и сам понять не могу. – даже не пытался отшучиваться Он.

– Ничего, будет у нас всё хорошо, – ответила Ему она все с тем же чувством триумфа. – У нас иного выбора просто нет, прелесть Ты наша! Раз уж мы за Тебя взялись...

Как-то так прошла первая половина дня. Аля пару раз появлялась в поле зрения, явно под надуманными предложениями, но имея в поле зрения Кристину, подойти опасалась. Он один или даже два раза отмечал её присутствие, но было Ему как-то вообще не до неё, как, в прочем, и не до кого вообще.

После обеда Он нашел в себе силы подняться и немного пройтись. Курилка не прельщала, шататься двором по изменчивой погоде – вдруг резко пошёл дождь – не особо хотелось, потому ноги сами собой занесли его к Жеке.

Жека что-то варил в своих кастрюльках, помешивая зелье время от времени ручным пищевым миксером. Его по-

явления Жека не заметил, потому Он имел возможность какое-то время постоять, оперевшись о косяк двери, и понаблюдать за чудесами химика, явно увлеченного сверх меры своими изысками.

– Чё да как? – подловил Он Жеку в тот момент, когда тот отворачивался от своего варева. Жека подскочил на месте, миксер тут же грохнулся о пол, его передернуло.

– Вареву готовишь? – усмехнулся Он.

– Сам ты вареву, – взорвался Жека. – Зачем сюда пришёл? Нет у меня чем тебя похмелять, – толкнул Жека Его. – Больше нет. И для тебя больше не будет. Пошел в... – закончил он свою речь и отвернувшись, удалился по своим делам.

Что ж, бывало и такое, признался сам себе Он. И не раз. И даже не два...

«Побушует да образумится!» – ухмыльнулся Он. Почему-то ему казалось, что в прежнем состоянии мир был каким-то более ярким, что ли. Теперь же на Него наваливалась та серость, с которой Он жил долгие годы и которая делала из Него примерного члена общества. Но, похоже, иного пути не было, потому что полное противопоставление себя тому самому обществу в обязательном порядке привело бы к обструкции и вытеснению на обочину жизни.

«Да что там обочина? – вел разговор сам с собою Он. – Здесь...» – окончить Он не успел, Его перехватила Карина.

– Я тебя искала, – уже без иронии и ноток реванша произнесла она. – Хотела с тобой поговорить.

– Отчего же с прекрасной дамой не поддержать разговор, – меланхолично подтвердил своё согласие Он.

– Ну тогда...

Она закурила, глубоко затянулась и неспешно, но все же нервно, выпустила дым. В курилке было безлюдно и сыро.

«Должно быть с десяток голов сейчас пристально наблюдают украдкой изо всех окон», – пронеслось у Него в голове, и Он обернулся. Возможно это были головы, что тут же скрылись в сером пространстве офиса, возможно Ему показалось. «Не важно, – отмахнулся Он. – Пусть глядят» – и повернулся к Карине.

– Я весь в твоем распоряжении, Карина.

Она ещё сделала пару затяжек, все не решаясь начать разговор и тогда Он решил ей помочь.

– Знаешь, Карин, мне сегодня ночью приснился очень удивительный сон... – рассказывал Он.

– Я все думала, почему у нас не сложилось?! – она явно не слышала Его. – Не находила себе места, примеряя все на себя, ища причину в себе. Не знаю... – она потупила взор. – Так в чем же дело? Быть может мы разные люди? Может мы не подходим друг другу?!

– Сон был у меня, – почему-то разозлился Он. – Очень странный... Снилось мне, что Я сорвался в пропасть и достиг дна...

– Я даже ночами не спала, все перебирая в голове, вспоминая, ища причин... Я жутко злилась...

– Я угодил в объятия чего-то, что не отпускало Меня, держало и знаешь, Мне там было хорошо, – Он прекрасно слышал все, что произносилось ею. Она желала излить душу, исповедаться и, как часто в таких случаях бывает, ответная реакция уже не имела значения. Только сопричастность и не более.

– Знаешь, я даже отравить Тебя хотела! – призналась она. – Не так, чтобы до смерти, но чтобы Ты помучился...

– Что-то заставило меня подняться, оторваться от этой травы, или что там оно такое было, и погнало вверх, по отвесному склону. Я вот до сих пор места себе не нахожу, что это было? – тихо говорил Он, наблюдая за её поведением.

– Даже смесь из таблеток приготовила. Но Ты в тот день просто не пришёл, – говорила она в пустоту. – Запил где-то, видимо.

– А уже на самом верху, когда Я выбрался на открытую поверхность, то увидел дом. И показалось Мне, что стоило то все, ради чего убивался Я и карабкался вверх... Но вот последняя секунда... – как-то неуверенно окончил Он.

– Или с очередной девкой в простынях запутался. В тот день я жутко разозлилась на Тебя. И попадись в том состоянии Ты мне в руки, уж и не знаю, что бы сделала. Быть может даже придушила, – Он понимал, что о таком вот просто так не говорят. Это была исповедь, и Он бросил свою историю про сон, которую она, в прочем, и слышать не хотела, и теперь очень внимательно её слушал.

На улице они простояли ещё минут сорок. Он отбросил любую попытку хотя бы вставить пару слов, лишь время от времени кивая и притрагиваясь рукой к плечу Карины, как бы говоря, мол, не грусти, все у тебя в жизни сложится. Было в ней в этот миг что-то такое, что сломило лед отчужденности, и Он поплыл, растаял, сделался податливым подобно воску или пластилину. Её слова, даже если их хозяйка того не понимала, лепили из Него то, чего Он всегда опасался. Она хотела – Он соглашался! Она предлагала – Он не возражал! Она ещё что-то говорила – Ему уже было все равно, потому что где-то в глубине души кто-то, так похожий на Него из прошлой жизни, принял решение и поставил Его перед фактом, с которым Он, в прочем, согласился даже не сопротивляясь. Или почти согласился, с парой легких оговорок.

– Давай сегодня к тебе, – предложил Он. – Чай, оладьи и все остальное, что было раньше!

Она кивнула, расплакалась и упала Ему на плечо. Жалюзи на окнах, что до того едва колыхались, вдруг превратились в неугомонное море, когда морские волны взмываются вверх под напором налетевшего ветра. Охочих приобщиться к трогательному эпизоду мелодрамы оказалось более чем достаточно...

– Поздравляю! – встретила Его улыбка Игоря в коридоре. Карина юркнула в кабинет и в поступи её было море радости

и гордости за себя.

Игорь, быть может, и был рад за них, но лучше бы смолчал. А ещё лучше, стер бы улыбку со своего идиотского лица, каковым его в тот миг счел Он, да убрался бы восвояси.

Адреналин вспенил кровь, залив красным светом Его взор, кулаки сами собой сложились в необходимое состояние и Игорю стоило бы поспешить заказывать поминки... Но тут в коридоре появился Сам! Увидел Его в компании Игоря. Жутко удивился, изобразил улыбку на своем лице и спас Игоря.

– Поздравляю! – видимо и он уже был в курсе. – У меня к Тебе пара вопросов. – уволок он Его в кабинет.

Карина тихо посапывала, уткнувшись носом в подушку. Часы давно перевалили стрелками за полночь, но Ему почему-то не спалось. Он лежал, мысленно пересчитывая завитки на обоях на потолке. Мысли клубились в Его голове, не позволяя сосредоточиться на чем-то одном. Прикосновение к обнаженным бедру барышни – Он ощутил тепло и упругость кожи.

«Класна баба! – как сказал бы его друг детства Виталик. – Только завелыкувата трохи...» Его всегда удивляло обилие стереотипов в общении полов. Например, почему барышня должна быть обязательно изящной и меньших размеров чем её партнер?! Объяснений находилось тому масса, некоторые даже восходили к подсознательному, сформировавшемуся ещё в бытность человека на первобытных стадиях. Но всё же – почему? Почему женщина не может быть крупной?

«Нет, в малявках и худосочных есть свой шарм, – рассуждал он. – Они, к примеру, удобны в постели. Удобны исключительно с эргономической точки зрения. С такой не нужно быть борцом или тяжелоатлетом, чтобы... Да и „степеней свободы“ с ними больше, выражаясь языком машиностроителей. Вроде удобно!»

«Но с иной стороны, – становился Он на позиции оп-

понента. – С иной стороны ты имеешь формы, с которыми не сравнится ни одна маленькая худышка! И если это все не подернуто излишком жировых тканей, то, безусловно, компенсирует все весовые неудобства и уменьшение «твоих степеней свободы»!

Когда-то случилось Ему ознакомиться со статьей, именно ознакомиться, потому что Он из того прочтения мало что оставил в памяти – наверное был пьян или страдал с похмелья, говорилось в ней о иезуитах. Писали там о многом, видимо, Он так предполагал, но запомнился всего лишь один эпизод – как обучали иезуитов искусству спора. Ставилась проблема, которую одному из споривших следовало подтвердить, второму опровергнуть. Причем «по-взрослому», нужна была победа. И когда одна из сторон оказывалась в проигрыше, их меняли местами. Теперь тот, кто доказывал правоту, должен был её оспорить. Таким образом спорившие имели возможность смотреть на ситуацию с нескольких сторон и избегать предвзятого отношения. Ну, и естественно, учиться отстаивать свою точку зрения, даже если таковая была абсолютно не верна.

«Я как иезуит, – усмехнулся Он, созерцая спину спящей Карины. – Обосновываю, а потом опровергаю то, что в социуме является постулатом. Например, девушка должна быть в размерах меньше своего кавалера! А если наоборот? – лети мысли у Него в голове. Он давно не пил и чувство потребности в алкоголе уже начинало о себе напоминать. Орга-

низм ломало, он умирал и, как водится в такие минуты, требовал продолжения рода. – Ничего личного – лишь физиология! – мысленно рассмеялся Он, намереваясь воспользоваться случаем в очередной раз. – Так и бывает, либо алкоголь, либо женщина!» – продолжал Он переходя к действию.

«А лучше все сразу!» – откликнулся демон, затаившийся где-то глубоко внутри.

Спустя полтора часа Он уже сидел на кухне, её кухне, и горячий кофе обжигал Его горло. Ночник создавал ощущение камерности происходящего, полная луна и ослепительные звезды, распугивали прохожих, потому суета была повергнута и там.

Карина сладко спала в соседней комнате. Изможденная и счастливая. Именно таковой Он оставил её там, наконец осознав, что сон этой ночью Ему не грозит, да чтобы не мучить ни Себя, ни коллегу – почему-то Он сейчас, на кухне, подумал о ней как о коллеге – перебрался сюда.

Карина была яркой и обворожительной барышней. Её рост и пропорциональные тому формы были одновременно её достоинствами и её же проклятием. Её выделяли из общего ряда женского социума, хотя бы потому, что она, в общем-то, и сама выделялась благодаря своему росту, но вот к моделям уже не относили. А жаль. Она не была худышкой с весов в полцентнера, не выхаживала с пресным лицом и не травила себя изнуряющими диетами, отчего все моде-

ли выглядели хоть и изящно, но все же болезненно и неестественно.

Поклонников у неё было более чем достаточно, но их интерес был ограничен её физиологическими особенностями, чем они, собственно, и пользовались, создавая каждый на сколько мог очередную душевную рану.

Она уже несколько раз могла выйти замуж. Но что-то в избранниках было не то. То гасторбайтер с Кавказа, то приезжий алкоголик-селянин, то вычурный менеджер страховой компании, который любил исключительно себя и требовал объект для собственного созерцания. Все они травмировали её, выработали инстинкт стервы и мужененавистницы.

Он был, увы, не исключением. И Он это прекрасно понимал. Внутренние демоны в Его сознании водили хороводы, плясали вокруг стула, на который мог усесться только один, тот, который в данный момент и будет править балом.

Сейчас сидел этакий угрюмый сентиментальный чертёнок, который видел во всем лишь негатив, желал тепла и сострадания, потому-то Он тут же испытал теплые чувства к Карине. Хотел было сейчас же встать и присоединиться к ней в постели, но кофе, усталость... Который это будет раз за текущий вечер?!

«Нет! – остановил Он себя. – Не сейчас!»

Утро его застало на кухне. Крепкая женская рука легла на плечо, и Он тут же встрепенулся. Солнце только всходило,

жутко хотелось спать, Карина стояла в пижаме на голое тело и её волос непослушными прядями спадал ей на лицо.

«Утром все женщины выглядят совсем по-иному! – вновь поймал на этой мысли себя Он. – Вечер на них накладывает шарм загадочности и их хочется... А вот утром они преображаются». Обвораживающие чары спадают сами собой, и они становятся теми существами, что, зачастую ненавидят утро, не любят работу и презирают того, кто вчера залез к ним в кровать. Он к этому давно привык и потому утренняя отрешенность большинства Его партнерш стала нормой. Но встречаются и такие, кто поутру превращается в мягкое плющевое создание, радующееся новому дню и встречающее Его своими розовыми щечками и улыбкой в сиянии глаз. Таких Он, в своем большинстве, не понимал и потому опасался, хотя, и среди них встречались исключения, например:

– Доброе утро, дорогой, – едва не пропела Карина. – Почему Ты здесь?

Он не нашелся что ответить. Промолчал, не отреагировал на её преображение. Она по утрам всегда была такой и это обстоятельство, если честно, Его очень настораживало. Утренние мягкость и доброта, излучаемые каждый раз ею, диссонировали с тем образом, в который она погружалась уже через несколько часов, перемалывая в жерновах всех, кто пытался перейти ей дорогу.

Время ещё было, она излучала тепло и желание, а протянутая рука требовала ответа. И ответа предполагающего все-

го один вариант. Он не смел ей отказать, невзирая на сонливость и мольбы уставшего организма, который должен был проделать все это уже в четвертый раз.

«Интересная штука – человеческое сознание! – думал Он, преодолевая расстояние, что отделяло Его сейчас от места работы. – Если повнимательней приглядеться, то в каждом из нас сидит с дюжину самостоятельных личностей!»

Карина была рядом и одновременно она отсутствовала. Усталая отрешенность проступала сквозь маску приветливого радушия, и демонстративная походка «под руку» лишь усиливали эффект.

Карина была значительно выше Его. Её рост и стан воодушевляли не одно мужское существо на различные мысли, а то и проделки, но сейчас она была погружена исключительно в свои собственные размышления, шла рядом с Ним, прижавшись к Нему едва ли не всем телом, и это лишь подчёркивало то обстоятельство, что оба они сейчас мысленно находились совсем далеко от мест этих. Причем оба были не в одном месте. Их мысли, быстрее, двигались в диссонанс, чем в резонанс.

О чем думала Карина можно было бы, конечно же, догадаться, но Ему было совсем не до того. Два человека, демонстративно прижавшись один ко второму, при этом барышня, в нарушении принятых норм в обществе, возвышалась на пару голов над своим кавалером, грозя задавить того сво-

им женским естеством, два человека были рядом, предельно близко телесно, но не менее предельно далеко в своих мыслях, уйдя в свои миры.

Он размышлял о том, как архетипы – Ему казалось, что именно так в свое время назвал их Юнг – Его архетипы, подобно костюмам театрального актера, вынимаются наружу, становятся Его второй личиной, а через какое-то время Он и сам уже начинает верить во все, что диктует Ему новая личина. Поведение, роль в обществе, в узких социумах, которые меняются в зависимости от того, где ты находишься – дома, на работе, в транспорте, вышел стрелкнуть сигарету и подрасться в скверике или же решил обворожить барышню... Архетипы проявляются сами собой, проявляются в зависимости от ситуации, в которой Он находится, а последнее время и в зависимости от настроения и решений, принимаемых Им.

Он ощущал Себя совсем иным человеком. Пока что в значительной мере искусственным, ставшим за день-полтора «стандартным» членом общества, принявшим решение порвать с прошлым, загнать поглубже, если не избавиться вообще, от второй (или сотой – сколько там их у него по Юнгу и Фрейду) личностей, стать среднестатистическим потребителем и, в перспективе, возможно, даже образовать ячейку общества. От последней мысли Его передернуло. Он ни когда не видел себя семьянином. Нет, общество того требовало, друзья и знакомые считали, что время пришло, а родня,

с которой Он уже давно поддерживал исключительно формальные отношения, и того больше – сокрушалась отсутствием таковой. Он несколько раз был близок к тому, чтобы... Но каждый раз внутреннее естество восставало против такого решения. В браке Он видел исключительно что-то патриархальное, нечто такое, что убьёт в Нем всё то естество, которое ещё заставляло жить и наслаждаться жизнью. Наверное, потому где-то в глубине у Него выработалась та линия отношений с противоположными полом, которую переступать не стоило.

Вот, до сих пор она вожделенная любовница, для которой Он был готов на многое, но стоило той самой, яркой и неоднозначной особе, всего лишь на один шаг сдвинуть ситуацию в сторону узаконивания отношений путем штампа в паспорте и, как следствие, всех вытекающих отсюда последствий, как для Него эта особа теряла всю свою привлекательность, и Он уже более не мог и не хотел испытывать к ней ту феерию чувств, что ещё совсем недавно Его подымала на вершины эмоционального Олимпа. Барышня превращалась в нечто совсем иное, угрюмое, серое, не интересное – превращалась в Его сознании и то самое сознание тут же выбрасывало её образ во вне. А в след за образом уже и Он терял к барышне всякий интерес.

Его влекла влюбленность, то чувство, которое испытываешь от процесса «охоты», от первых встреч, от первых прикосновений в подъезде, от первого: «мама уезжает... квар-

тира свободна!» И эти отношения могут (!!) длиться если не вечно, то продолжительное время уж точно, но при одном условии – они оставляют за собой право быть свободными... Хотя бы формальное право, потому что бывали случаи, когда Его отношения заходили столь далеко, что Он жил вместе с барышнями, нес бремя семейной ответственности, даже что-то планировал, но формально и Он и она были свободны. Порой ссорились, выгоняли друг друга, потом сходились. И Его не смущали бигуди, тапочки, отсутствие косметики и поношенный халат по утру. Это был лишь внешний антураж, всё же основное происходило в голове, в воображении и Он не терял ощущения свободы, не отказывал в таковой и ей, получал уколы ревности с её стороны, возмещал таковые и в её адрес... И только лишь желание урегулировать отношения, придав фактическому положению дел юридического подкрепления, всё тут же рушило...

Жизнь наша состоит из этапов. И каждый из них требует серьезных трансформаций, изменения мышления, а порой и вообще, смены образа жизни. Многим тяжело дается взросление, особенно когда их, после школьной скамьи, не подготовленных, бросают во взрослую жизнь. Кто-то к подобным изменениям относится просто – ситуация меняется, его же подход остается прежним, и в итоге в новых условиях появляется индивид, который к таковым приспособился, но новых навыков не выработал, перетащив их из прошлого, оставшись по сути инфантом. Кто-то же всеми силами пыта-

ется переделать себя, изучая новую реальность и ища своего места в ней. А кто-то упирается из последних сил, не желая что либо менять, но реальность приходит и за ним, относя его то ли к первым, то ли ко вторым.

Он, к примеру, не желал перемен как таковых вообще. Все условности социума для Него были исключительно оковами, которыми социум пытается загнать в определённые рамки каждого. И, похоже, социуму это удавалось. Удавалось настолько, что, к примеру, даже потеряв работу, что само по себе показательно, человек переживал по этому поводу больше, чем то стоило бы. Его вроде бы как беспокоило отсутствие средств к существованию, но, в реальности, основной причиной было иное – он выпадал из привычного круговорота дней, выпадал из заведенного кем-то для кого-то уклада дел, осознавал, что вне правил общества он себя просто не представляет. Для таких всё это, все эти правила, было спасением, для Него же и для таких как Он – наказанием.

Карина, пребывая в своих мыслях, потеряла бдительность, и яма, которыми изобиловал асфальт, едва не стала прочной их обоюдного падения. Карина вскрикнула и всей массой своего тела обвалилась на Него. Он вовремя сгруппировался и только это не позволило им обоим растянуться посреди тротуара.

– Я что-то задумалась... – извинилась она поправляя свои локоны, отчего чувства низменного характера тут же взяли над Ним верх. Он, было, хотел ей предложить тут же вер-

нуться...

«О чем это я?! – одернул Он сам себя. – Мы же?!...»

А вот что именно «мы же...» Он сформулировать с ходу не смог. Мысли вертелись в голове, но формализоваться не спешили, что Его несколько насторожило. Новая личина, «новый костюм», новая маска, если уж будет так угодно, не обладали какими-то чертами и навыками, которые были присущи тому Ему, которым Он был до принятия решения выкарабкаться из ямы и стать новым человеком, влиться в общество.

Архетип брал над ним верх, становясь уже Им самим. Если честно, Его это ни сколько не беспокоило, так как Он и сам не знал, кто из множества архетипов, скрываемых в Его подсознании, является Им истинным.

«Наверное, все они – это я!» – мелькнула мысль.

«У Тебя слишком много мусора, – казалось произнес „порядочный гражданин“, – От всего этого Нам придётся избавиться!» – добавил он же.

«Наверное, так и придётся поступить!» – соглашался Он, меж тем ощущая изменения, которые привносит новая сущность в Его образ мышления и поведение.

– Тебе, наверное, холодно?! – в порыве попытался обнять Он Карину. – Ничего, сейчас в метро согреемся...

Если говорить о работе, то день стоило бы признать таким, что удался. Удался он во всех аспектах.

Как оказалось, если на мир смотреть иными глазами и оценивать обстановку с позиции рядового обывателя, исполнительного и преданного своему месту в обществе и социуме, которым в данном случае является рабочий коллектив, то и дел появляется неисчислимое множество.

Он признавал, что часть из того, что вдруг этим утром свалилось на Него – является ни чем иным, как отложенными делами, которые Он ранее выполнять и не собирался.

Есть такая категория дел, от выполнения которых, в принципе, ничего не зависит и которые, скорее всего, даже не будут востребованы руководством. Можно, ведь, всегда сослаться на обстоятельства, на более важные дела и таким образом если не похоронить задачу, то отсрочить её выполнение до тех пор, пока о ней не забудут или же она не потеряет своей актуальности.

Но так мог поступить Он! Тот самый индивид, который на работу иначе как с глубокого похмелья не приходил, который мыслил категориями ночной жизни, похмелялся у Женьки и корреляционный анализ длинны юбок и связанных с тем намерений особ противоположного пола Его интересовал больше, чем, скажем, возможность размещения производства в Юго-Восточной Азии.

Он взглянул на Себя Самого же ещё недельной давности и удивился тому, как не осознавал своего падения. Той ямы, в которую Сам же и катился. Всей бесперспективности Своего существования и полного отсутствию всяческих перспек-

тив и амбиций!!!

Например, исследование... Руководство любило «бросать идеи в массы»! Бросало, наблюдало, а потом решало, выйдет ли что-то из этого? Одной из таких идей и был тот самый запрос на оценку перспективности размещения или переноса, как кому угодно, производства в Юго-Восточную Азию. Он эту задачу футболил уже которую неделю и, скорее всего, так бы и продолжил поступать, если бы не решение изменить себя, раз уж мир не желает того делать ради Него. И коли уж кто-то должен был измениться, то, быстрее Он. Именно так сейчас Он размышлял. И Он не покривил бы душой, если бы сказал, что это Ему нравилось.

Отчет был поставлен в очередь задач, которая росла быстрее, чем Он успевал её даже оформлять. Оказалось, что таких вот, заброшенных, дел у Него накопилось множество. Да и коллеги, по какой-то причине ранее не спешившие обращаться к Нему по рабочим вопросам, вдруг тут же забросали Его стол своими запросами, задачами и просто мелкими просьбочками...

Оказалось, что работы у Него просто пруд пруди и Он даже удивлялся, как это ранее Ему удавалось по полдня ни чем не заниматься, а вторую – пить приготовленные Жекой коктейли «от сумасшедшего химика»!!!

– Слышал у кого Ты сегодня ночью ночевал! – похлопал по плечу пробежавший мимо Игорь. – Так держать! – и убежал. На своё счастье, потому что изменилось многое,

но не отношение к Игорю. Было в том что-то такое, что даже в новой ипостаси бесило Его не меньше, чем в состоянии алкогольного угара.

«Нет, в целом Игорь, как человек, не плох... – анализировал и успокаивал Он себя. – С ним даже можно иметь дело. Он, по крайней мере, надежный...» – но что-то ломало лед уверенности этих мыслей и вполне определённые чувства не покидали Его. Игоря он ненавидел не меньше, чем даже раньше. «Но, с иной стороны, и рядовой член общества не лишен человеческих слабостей!» – уверял Он себя.

– Можно с тобой поговорить? – как-то разок проскочила мимо Аля. Он было даже дал согласие, но тут кто-то подскочил со своим запросом, обрадованный тем, что в коем-то веке Он соизволил хоть что-то сделать для других, и пришлось отказать девушке.

– Обязательно поговорим, – улыбнулся Он ей. – Но сейчас завал, сама видишь! – улыбнулся Он ей повторно.

Аля ничего не сказала и так же, как и появилась, словно тень, исчезла в неизвестном направлении. Да Он не особо то и следил за её перемещениями. Дел было невпроворот.

– Дорогой, может мы бы пообедали?! – это была уже Кариан. Отказать ей Он не мог, тем более, что... Их отношения развивались как-то уж очень гладко. Он катился по идеально ровной плоскости, она корректировала Его путь и было то едва ли не идиллия.

В столовой их появление было воспринято сдержано, хо-

тя каждый из десятка там присутствовавших, без всякого сомнения, был посвящен в суть происходящего. Публика всегда охоча до чужой жизни, тем более, если события развиваются в непосредственной близости, напоминают завороты латиноамериканских сериалов, и касаются кого-то иного, но не самого зрителя.

Как-то раньше внимание сторонних Его не особо тревожило. «Ну смотрят и смотрят! – отмахивался Он. – Не иначе, как завидуют!» – посмеивался вдогонку, будучи уверен, что каждый из посторонних хотел бы окунуться в тот мир, в котором пребывал тогда Он. Но так, чтобы окунуться, насладиться таковым, и так же, без потерь, вернуться назад. Побывать, так сказать, на экскурсии в «мире падших». В одно из едва ли не самых тяжёлых похмельных состояний, случившимся, как водится, не вовремя и не к стати, а именно – утром, Его даже посетила мысль заняться устройством подобных развлечений, экскурсий, с позволения сказать, для охочих... За их счет, естественно, и безо всяких обязательств с Его стороны. Мысль тогда Ему показалась хорошей, но состояние не позволяло даже головы поднять, потому как появилась, так и ушла она, в следствие бездействия получателя.

Сдержанные улыбки, не менее сдержанные эмоции, что-то сродни одобрению или даже восхищению. Всё то, что должно было пройти, как только настоящее положение вещей станет обыденностью, войдет в норму, но обязательно

останется на уровне слухов или даже сплетен.

– Сегодня у нас каша, – хлопотала вокруг Него Карина, раскладывая на тарелки обед. – А на первое, похоже, суп харчо! – обеды были привозными, потому сотрудникам не приходилось нести еду с собой из дому, по пути постукивая стеклом или опасаясь вскрытия емкости в сумке.

– Спасибо, – ответил Он несколько смутившись. Новый архетип брал верх и Ему уже было неловко от избыточного внимания, но ни ответить, ни отстраниться Он не мог – условности не позволяли.

– Вот и прелестно! – присела рядом Карина.

В двух столиках далее сидела Аля и не сводила с Него взора. Застывшая в вертикальном положении вилка довершала собою картину.

Ему стало не по себе, вдруг Он ощутил неловкость, но поделать ничего не мог. Аля ещё какое-то время смотрела в Его сторону, доела свой обед и так же тенью, направилась в сторону выхода.

– Это не Ты! – прошептала она Ему на ухо, резко склонившись проходя мимо. – Тебя подменили...

– Что она сказала? – поинтересовалась Карина бросая стрелы в спину удалявшейся Али.

– Да так, – отмахнулся Он. – Глупость какую-то...

В делах прошел весь день. Он даже и не заметил, как часики отбили окончание рабочего дня и сотрудники, повинувшись

рефлексу офисного планктона, тут же потянулись к выходу.

– Я тебя ожидаю, – тут же появилась Карина. – Сегодня...

– Я жутко устал! – признался Он, намекая на то, что хотел бы провести эту ночь один и у себя...

– Теплая ванная и уютная кровать тебя ждут! – улыбнулась она.

– Я о другом... – искал слова Он. – Словом, устал я сегодня жутко. И хотел бы отдохнуть... Ты уж не подумай, просто, на самом то деле... – оказалось, что быть порядочным не так уж и просто, удивлялся даже самому себе Он. В иной ситуации Ему вообще не пришлось бы ни в чем извиняться, что-либо объяснять, но коли уж решил отнести Себя к членам общества с претензией на порядочность и респектабельность, то будь уж добр...

Карина не сразу поняла. Потом надулась. Хотела было произнести речь. Но, видимо, не нашла слов и потому просто демонстративно развернулась и ушла, оставив ощущение вины у Него на душе.

Он прекрасно осознавал, что апелляция к вине – это любимый способ женских манипуляций, но ничего не мог с собою поделать и готов был уже бежать за нею, дабы... Но она ушла. Хлопнула дверью, оставив Его одного с чувствами создавшейся ситуации.

Что-то в глубине души рвалось наружу, пыталось донести до сознания мысль, напомнить о том, как Он ранее разрешал подобные вопросы, но так и не пробились, не достучалась,

не донесла...

Тот, кто изобрел метро, должно быть, должен быть удостоен памятника из золота! По крайней мере такие мысли порой приходили Ему в голову. И дело даже не в том, что метро, подобно кровеносной системе живого организма, связывает различные, порой неимоверно удаленные, части города в единое целое, и даже не то обстоятельство, что где-то наверху бушует стихия, палит солнце или все засыпано промерзшим снегом, а здесь, внизу, эти неудобства ни по чем. Метро было чем-то большим, местом времяпрепровождения, местом встреч и расставаний. Это было тем местом, куда заходишь с ощущением, сходным с тем, которое случается при посещении магазина или даже преддверия театра... Метро было чем-то значимым, и изобретатель его просто обязан быть запечатлен в золоте где-то в районе первой станции метро.

Аля Его, похоже, поджидала. Она не особо скрывалась, как, в прочем, не особо скрывала и своих намерений, но к своему счастью, её Он заметил ещё на подступах к заветному турникету, в переходе и то обстоятельство, что она на какое-то время отвернулась в сторону витрины ларька, позволило промелькнуть мимо неё, избежав ещё одной встречи, которой Он сейчас не желал.

«Кто из них лучше?!» – промелькнула мысль, когда Он уже сел в вагон метро. Речь шла, естественно о Карине

и об Але. Каждая имела свои плюсы и свои минусы. У каждой имелся потенциал развития и свои ограничения. Каждая могла бы сватать Его спутницей... И вот тут-то Он осекся. Наверное, всё же не каждая... Или каждая? Он запутался, внутренне усмехаясь и жалея, что ограничен нормами однополого брака. Как легко бы решалась задача при возможности законного обладания несколькими женщинами одновременно!! А тут – дилемма и головная боль, однако!!

И вновь, где-то под плитой добропорядочности что-то шелохнулось, подавая тихий голосочек, которого Он, в прочем не услышал. А говорил Ему тот голос о том, что ранее Он бы впал в ужас об одном упоминании о возможной брачной связи, сейчас же таковая Им рассматривалась как вполне сама собою разумеющаяся и не вызывающая каких-либо вопросов.

Поезд тем временем нес Его всё дальше и дальше, к самой конечной станции ветки метро, мерным стуком колес и кондиционированным воздухом погружая в состояние транса, грозящего перерасти в полноценный сон. И как-то сами собой мысли об Але и Карине, об их сравнении – и чего это Он вдруг вздумал сравнивать две противоположности? – уходили сами собою...

Дом встретил Его неприветливой пустотой. Оказалось, что смена парадигмы поведения влечёт за собой и изменение мироощущения, особенно если перестаешь употреблять стимулирующие вещества, и в первую очередь алкоголь.

Избавление от алкогольной зависимости приходит не сразу – это Он уже проходил и ранее. Не считая Себя зависимым, тем не менее, Он помнил, как в одну из таких попыток, отказавшись на продолжительное время от алкоголя, Его организм просто требовал влить в себя совсем немного, хотя бы полсотенки водочки...

Всё начиналось прекрасно. Ощущение чистоты и спокойствия. Голова прояснялась с каждым днем и даже мышечный тонус и тот подскочил на какое-то время. Создавалось ощущение, которое знакомо большинству алкоголиков, что уж Он то от алкоголя сможет отказаться по первому желанию. И так и было. Примерно с пару недель, пока основные следы присутствия дурмана выводились из организма, но пока что все же оказывали свое воздействие на таковой. Перелом случился примерно на третьей неделе. Он тогда шёл по улице. Солнце пекло нещадно и расплавленный асфальт подавался под кроссовками. Не то чтобы Он хотел пить, просто ларек с рекламой одного из пивных брендов во всю стену тут же приковал Его внимание. И сразу страшно захотелось пивка.

Того самого, холодного, бодрящего, что пенилось в рекламном стакане, стекая влагой по запотевшей стенке.

Приступ был столь силен, что Его руки самовольно достали бумажник и рассчитались за бутылку прохладного пива. Он готов был тут же открыть его. Открыть даже зубами и, наверное, употребил бы на месте. Но его спас ряд обстоятельств, не позволивших отделить пробку от бутылки. Потому пиво отправилось домой, попутно прилагаемое своим прохладным потеющим боком к голове, а там здравый смысл взял верх и Он пообещал себе выдержать, перебороть наваждение. Это было непросто, особенно учитывая ту самую бутылку, что сейчас болталась неприкаянной в стенке холодильника.

Дальше было и того хуже. Мысль о запотевшей стопочке Его едва не преследовала. Да, собственно, почему едва (?) – преследовала!!!. Что-то внутри, привыкшее к изрядным долям алкоголя, требовало, настоятельно напоминало о себе, включало определённые ассоциации в самые неподходящие моменты, и непреодолимое желание выпить, употребить, залить, закинуть, не оставляло Его.

Сжав в кулак свою волю, взяв самого же себя на слабо, Он смог справиться с этой напастью. Примерно через месяца полтора-два хватка алкогольной зависимости стала спадать, напоминать о себе все меньше и меньше, и примерно к отметке в три месяца после того, как Он принял такое решение, наваждение полностью исчезло. Он ощутил мир иным,

себя победителе, вышедшим хоть и с потерями, но с чувством собственной победы над зеленым змеем и, естественно, в тот же вечер были барышни, шампанское и залитое пеной чувство победителя в Его ванной.

Потом Он даже посмеивался над собой и над той комичностью ситуации, когда победу над собственной привязанностью к алкоголю Он в итоге отпраздновал употреблением одного.

Порой же Он ловил себя на мысли, что не относит сам же себя к категории, злоупотребляющих алкоголем, как в прочем, и любой закоренелый алкоголик, – уверен в способности бросить пить в любой момент, но, в итоге, путь к трезвлению оказывается не легким и полным соблазнов. Самый сложный из них – это неприятие непьющих пьющим обществом, где таковой воспринимается, по меньшей мере, отщепенцем, если не хуже. Не пить в этом обществе – более чем преступление.

Квартира встретила Его пустотой, период активной алкогольной ломки ещё был впереди, но осознание изменчивости мира и, одновременно, его серости и унылости, уже пришло. И потому тут же захотелось выпить. Хотя бы чаю, если позволите...

Карина не звонила. Он дал себе слово не обращать на телефон внимания и, наверное, потому, положил его тут же в карман, вынимая периодически или выкладывая в ванной, в кухне – обязательно экраном вверх. Если честно, то Он

всё же ждал её звонка. Ждал долго и даже с некоторой обидой. Но она не звонила. Он же, в силу своего состояния и потому посетившей Его немотивированной обиды, набирать её тоже не спешил. Возможно, оба выжидали, уж Он то точно.

Так пролетела половина вечера. Очередная чашка кофе была вновь выпита, порождая в голове определённые шумы растущего кровеносного давления. Ему было как-то совсем одиноко и хотелось поговорить... И когда телефон наконец-то вздрогнул, подпрыгнул на лакированной поверхности и пополз вибрируя в сторону своего падения на пол, Он тут же, не обращая внимания на надпись о вызывающем, ответил:

– Алло! — произнес Он борясь с дрожью в голосе.

– Привет! — ответили с той стороны, и Он не сразу понял кто это был. Голос не соответствовал ожиданиям. Был мужским, несколько сиплым и местами неуверенным.

– И тебе привет, мил человек! — ответил Он, понимая, что с Кариной ему, по всей видимости, сегодня поговорить не удастся, по причине... — Что тебя привело к нашему очагу?

– Ну, не знаю. — ответил Жека, что-то там сербая. — Я вот подумал...

– Подумал и позвонил, — усмехнулся Он. — Это хорошо, что позвонил. Рассказывай.

Жека, с его слов, звонил исключительно из избытка свободного времени и желания поболтать, хотя всё же что-то

скрытое за этой вуалью просматривалось.

– Что у тебя нового? Чем поделиться? – не унимался Он, таким образом поддерживая разговор.

Жеке особо рассказывать было нечего – Он и так все знал, но вот что происходит с Ним, Женьку интересовало, хоть он то и скрывал.

– А я вот пить решил бросить, – поддержал рвение Жеки перевести разговор в интересующее того русло Он. – На поруки меня передали. Ты же в курсе?

Естественно, Женька был в курсе. Даже в его застенки сумасшедшего химика, которого держат изолированно и на незримых цепях, дошли эти слухи.

– Это правда? – интересовался Жека.

– Не могу ручаться за всё, что ты слышал, но скажу так – дыма без огня не бывает. Мне сложно всё это облечь в словесную форму, и уж точно заставить окружающих в это поверить... Но самое удивительное – что Я и сам до конца с этим не смогу свыкнуться. Ощущение, что всё это происходит не со Мной, мимо Меня... Я вроде бы как и участвую в этом процессе, но больше как наблюдатель, нежели активный участник...

– Это как? – не понял Жека и Он даже представил как тот, на противоположной стороне разговора, поправляет от усилий сползающие очки.

– Это, примерно так, как Я вот мог бы задаться вопросом: отчего это Евгений всего какое-то время назад выста-

вил меня из своей лаборатории, а вот сейчас решил сам позвонить, – ответил Он. – Но тут, как ни крути, всё предельно понятно...

– Что понятно?

– Как говорят упитанные и изнеженные порой до лени французы – шерше ля фам. Во всех бедах ищите женщину! – практически упал на кровать Он, отчего тут же стало спокойней и как-то уютней. – Между прочим, как утверждают адепты происков мирового заговора, именно по этой причине и была искусственно культивирована такая вещь, как гомосексуальные отношения, естественно, в мужской среде.

– Что? – видимо для Жеки это было более чем избыток информации.

– Забудь. – отмахнулся Он. – Это тема столь скользкая, что Я вообще не желаю её касаться. Просто запомни – во всем виноваты женщины! – иронизировал Он. – Это аксиома! Не верь их сентенциям и не относись к ним с патетикой. Они это любят, но, увы, презируют того, кто так поступает.

– Не понимаю... – доносилось со стороны Жеки.

– Всё предельно просто. Женя сорвался исключительно потому, что имеет интерес к одной известной нам особе...

«А когда ситуация изменилась, и Карина стала способна заместить в моем – чем там? – сердце, что ли – место Али, Жека тут же поспешил с визитом, с позволения сказать», – едва не добавил Он. Всё же есть вещи, которые должны оставаться невысказанными.

– Ты сволочь! – ответил Жека смеясь. Не было в его тоне ни раздражения, ни обиды.

– Этим ты открытия не свершил. Но, надеюсь, всё это в прошлом. Почему-то Я думаю, моя прошлая жизнь была яркой, фееричной, но вела к тому концу, которым оканчивается феерия сновидений наркомана. Считаю, что пришла пора измениться.

– Вот и я об этом, – повторял свой вопрос Жека. – Это правда?

– Думаю, что да. Знаешь, Я тут совсем недавно вспоминал историю предыдущего своего расставания с алкоголем. Не самое прелестное время, скажу Я тебе. Боюсь, что и на пути расставания с прошлой жизнью меня ждет не меньшие препятствий. Ломки, тяга к прошлому, и всё в том же духе...

Жека не понимал – он то всего лишь готовил утренние «алкоголи» для Него в своей лаборатории, но сам к ним не прибегал. Потому откуда Жеке было знать, что такое затяжной запой, череда похмелей и ломка выхода из алкогольной зависимости.

– Может тебе какая помощь нужна? – не находился что сказать Жека.

– Да! Скорее всего она Мне понадобится. И, самое главное, если Я к тебе зайду за утренним похмельем – гони Меня подальше. Это первое и самое главное...

– А ещё что? Что второе и не столько важное?

«Забери Алю!» – хотел было выпалить Он, но тут же по-

нял, что тема сия требует определённой деликатности и обязательности, ибо и Жека, да и сама Аля на мир смотрели через очки, увы, различного оттенка и потому картина мира в обоих случаях разнилась существенно.

– Думаю, лучшей помощью с твоей стороны было бы внимательно выслушивать Меня время от времени, – говорил Он, едва не проваливаясь в сон. Горизонтальное положение двигало Его именно туда.

Жека согласился...

– Тогда вот слушай и не перебивай. Очень поучительная история, как Я считаю...

Жека угукнул...

– Только если не длинная...

– Не длинная. В самый раз, – уверил Жеку Он.

Жил на свете один мальчик. И стукнуло ему не то лет семнадцать, а то и все девятнадцать, что в таком возрасте является уже эпохальным событием и кажется, мол, жизнь проходит мимо, ты стоишь на полустаночке, а твой автобус все не приходит и не приходит. От того и ожидание становится мрачным да безысходным.

Всё у него было вроде бы как прекрасно. И родители заботливые, и с одноклассниками ему повезло, да и школа была лучшей едва ли не на весь район. Всё у него получалось, и дома, и в школе, и даже во дворе с друзьями, но вот как-то противоположный пол его не то чтобы игнорировал, но уж тесных отношений заводить не спешил.

И не радовала золотая медаль на стене, не впечатляли ни кого грамоты, что водились у него в большом изобилии, было то интересно от силы паре замухрышек-отличниц, к которым он как-то не особо питал привязанность. Тянуло его, как то водится в таком возрасте, к чему-то прекрасному, возвышенному, одухотворённому – словом, к пышногрудым девицам отвязного поведения, что прославились своими похождениями уже на весь район. Вот в них что-то было! Они являли собой то, что привлекало всех пацанов в округе и его, естественно, тоже.

Но увы, как Я уже сказал, не интересовались они мальчиком-заучкой, что мог часами вести рассказы о космологии, движении планет или делиться смешными историями из жизни физиков или математиков, например, как жесткому по характеру Ньютону в назидание свалилось на голову яблоко (и якобы упало не само по себе), но и этот факт тот истолковал превратно, сформулировав известный теперь всем закон.

Увы, барышни в лучшем случае что-то слыхали о Ньюто-не, яблоки любили, но с законами всемирного тяготения их не связывали, больше питаясь пищей приземленной и ставя во главу угла мужскую брутальность и иные достоинства, которые ни как не вязались с академической ученостью.

Увы, тогда не существовало понятия «ботаник» как такового, не существовало интернета, где можно было бы загуглить что это такое и попытаться взглянуть на себя со стороны

или изменить свой подход к поиску партии. Не уверен, в прочем, что даже это знание как-то повлияло на его выбор восторжествовать именно над этой категорией противоположного пола, что возбуждала в нем постыдные чувства физиологического характера, напрочь отделяя девичье тело от интеллекта, которого, в прочем, у тех было ровно на столько, чтобы его оказалось достаточен для решения бытеевский вопросов, ни как не связанных с духовным развитием или академическими изысканиями.

Взбудораженный тестостероном мозг отказывался отвечать на само собой напрашивавшийся вопрос: «Что будет, когда весь романтизм увянет, восхищение спадет, половые утехы утратят свою былую остроту? Что будет тогда?» Два человека, которых могло связать лишь одно – интим, вдруг теряют интерес к нему и остаётся меж ними пропасть? Чем заполнить эту самую пропасть? Ведь у неё интересы находятся все в той же плоскости материально-бытовой, а он готов годами странствовать в мирах идей и научных изысканий, ни в чем не пересекаясь духовно с нею.

Вопрос оставался вопросом. Он же его не замечал. Или замечал, но откладывал разрешение такового на потом. Авось, как-то всё уляжется или разрешится... У него и так ничего не складывалось, чтобы ломать себе ещё голову в отношении того, чего в принципе ещё и на горизонте не мелькало.

Как-то так складывалось, что каждая, с кем он заводил знакомство, воспринимала его исключительно как забавное

существо, интересное, начитанное, временами веселое, прекрасное для дружбы, но не годное для отношений. Барышни почему-то уважали грубость, умеренную похотливость, даже глупость и словоохотливость. Упрощенный до примитива словарный запас, безудержные сальные шутки и напористость самцов их заводила, вопреки логике, которой жил он.

И чем больше он был пайнкой, чем больше проявлял необходимость и галантность, тем больше понимал, что она здесь, в низовьях улицы среди детей пролетариата, вовсе неуместна.

Не стану приводить историю ломки мировоззрения этого молодого человека, но в определённый момент он вдруг обошёлся с барышней не совсем хорошо, что вызвало бурю эмоций с её стороны. Они какое-то время не общались, шипели друг на друга, она даже строила козни, но в итоге оказалось, что эта буря эмоций их сблизила. Она понимала язык силы и даже неуважения, прощала ему всё, что касалась необходимого отношения с нею, в пределах разумного, конечно, он же ощущал то, что лишь поддерживая эмоциональный накал на достаточно высоком уровне, способен создать тот фундамент, на котором и могут быть выстроены их отношения. Исходя из этой логики – буря эмоций в отношениях не должна была ни на миг прекращаться. Утихать на какое-то время, переформатироваться, но не исчезать. Потому что лишь стоит этому фундаменту исчезнуть, то тут же вскрыется та самая пропасть, что их разделяла ранее и раз-

деляет, естественно, и сейчас, и заполнить её после этого уже будет невозможно.

Поначалу умеренно-пренебрежительное, порой граничащее с высокомерным, отношение вызывало бурю негодования с противоположной стороны, но стоило, спустя какое-то время, симитировать примирение, уход на попятные, приводя бушующую стихию в состояние штиля, как всё улаживалось.

Строя отношения исключительно на эмоциональной составляющей, он раскачивал лодку то в одну сторону, то возвращая её в противоположную.

И как-то так случилось, что это умение постепенно перешло в навык. В навык, ставший его второй сущностью. Оставаясь в глубине души все тем же положительным мальчиком-мечтателем из категории «батанов», ему удалось создать личину омерзительного существа, которое и только которое (!!!) притягивало внимание противоположного пола.

– Это Ты о себе, что ли? – удивился с присущей ему наивностью Женька.

«Вообще-то о тебе!» – хотел было пошутить Он, давая таким образом намек.

– Это просто история, которую Я хотел тебе рассказать в рамках начавшейся у меня ломки переходного периода, – иронизировал Он. Не факт, что Жека уловил иронию.

– А-а-а... – протянул он. – Понятно.

– Ты подумал бы, Жень! История жизненная. Кто знает,

может чем поможет...

«Тем более что Аля, похоже, поменялась местами с персонажем моей истории и стремится...» – вновь мелькнула мысль, которую Он не спешил озвучивать.

– Ясно... – протянул Жека, которому было, похоже, вообще ничего не ясно, и он уже начинал жалеть потраченного времени.

Попрощались они достаточно быстро. Жека, похоже, не понял той иносказательной манеры, в которой тому пытались передать Алю. Он же не пытался донести это иным способом.

Сон как-то сам собою пришёл к Нему лишь телефонный разговор прервался. Ощущение опустошённости конкурировало с чувством человека, сдержавшего свое слово и потому заслужившего хотя бы личное уважение к самому себе.

Утро, как водится, пришло неожиданно. Но на сей раз Его не мучало утреннее похмелье, солнечный свет не резал глаза, а кофе не похмелял, а разливался теплом и сладостью по телу.

«Надо же!» – удивился Он тому ощущению, с которым встретил это утро. Спал Он все так же, в одежде, заснув, должно быть, сразу же по завершению разговора с Жекой.

«Что Я там ему наговорил?! – мелькнула мысль в мозгу. – Что-то из жизни...» – припомнил Он. Ничего существенно-го. Должно быть...

Чашка аккуратно опустилась на поверхность стола, оставляя на том след мокрой окружности доньшка. Он отдохнул. И ничего, что тело ломило, остаточные позывы уснуть ещё не покидали Его – Он всё же отдохнул. Морально отдохнул. Отдохнул от давящего пресса общества. Отдохнул от людей. От алкоголя, наконец...

«Если так пойдет и дальше, – улыбнулся Он. – То жизнь может ещё и задаться!» – произнес крамольную мысль, исходя из посылов прошлой жизни.

И действительно, оказалось, что мир не таков уж и однобок и угрюм. В нем много интересного, например, книги.

«Что тут у меня?» – книга лежала уже который месяц. Лежала на самом виду. Чья-то книга, которую, как водится, берем почитать, а потом она так и приживается – непрочтенная и с забытым хозяином.

Оруэл. Избранное. Потрепанный переплет, пожелтевшие страницы – издание явно переходного периода девяностых, относительно большой тираж, удовлетворительная полиграфия, быстрый и потому некачественный перевод, орфографические ошибки по тексту. В остальном – вполне приемлемая для чтения книга.

«1984» – в названии и ничего более. Он уже что-то слышал о таковой, вроде как даже фильм смотрел, снятый по ней, но было то в женском обществе, подшофе и потому лишь финальная сцена с крысами ему и запомнилась. Собственно, из-за тих самих крыс Он и взял эту книгу почитать. У ко-

го взял? Хоть убей – вспомнить не мог. Ну да ладно, ещё час времени – душ, сборы, ещё чашка кофе и минут тридцать можно посвятить чтению... Можно, конечно и в метро, но Он как-то уже отвык от подобного, хотя когда-то и баловался. Но пара забытых там книг, один раз даже падение с лавки прямо лицом в открытую книгу над которой уснул, излечили Его от этого занятия.

Книга оказалась мрачной и угрюмой, но в ней всё же что-то было, невзирая даже на то, что для современного читателя она была «не формат».

Безысходность, с которой Он столкнулся с первых страниц книги, долго не отпускала Его. До самого входа на работу. И уже тут, переступив порог, Он наконец-то избавился от наваждения, сразу погрузившись в пучину дел.

– На прошлой неделе я перебрасывала Тебе информацию по... – с ходу налетела какая-то блондинка лет двадцати-пяти, явно только после института. Он её видел может и не в первый раз, но вот так, осознанно созерцал уж точно впервые. И уж о чем она там говорит – для Него было просто загадкой.

– Позвольте, как Вас? – попытался сбавить темп Он. – Напомните, когда и что Вы высылали?

Она вспылила, прокричала что-то о срочности, безотлагательности и прочих вещах, которые непременно беспокоят новичков. Она исходила нервной дрожью, бурно жестику-

лировала, сотрясала своими локонами, выбрасывала с сотню слов в минуту и всё время жутко нервничала, по ходу краснея и покрываясь потом.

Барышня, сама по себе, была эффектной, слегка склонной к полноте, но не настолько, чтобы это её портило. Он оглядел её с ног до головы, оценил, смерил ещё раз взором и на удивление Его либидо не выдало кульбит, требуя продолжения рода здесь и сейчас, ну может с некоторой отсрочкой...

– Хорошо, Я попробую Вам помочь, – сухо ответил Он. – Только одна просьба – продублируйте запрос ещё раз, чтобы Я сразу же вспомнил, о чем речь!

Барышня просияла, подскочила на месте и убежала, потрескивая каблуками, к себе на рабочее место.

И, как оказалось, таких дел скопилось уйма! Они висели в почте, лежали стопками на столе, были свалены беспорядочными кучами на рабочем столе компьютера....

В машине эти дела время от времени уже были даже отсортированы, только вот принцип этой сортировки был, осторожно выражаясь, оригинальным.

В «Полный хлам» лежали документы, которые должны были умереть даже не открытыми.

«В задницу!» содержал запросы от недоброжелателей и тех, кто Ему просто не приглянулся, нагрубил, за глаза отозвался нелицеприятно или просто отказал в доступе к телу. «Ох и свинья же Я!» – с нотками горечи перебирал папку Он. Здесь же были документы и запросы и от Карины.

«К стати, как там она?» – мелькнуло у Него. Карину Он не видел. Она не просто не встретила Его в начале рабочего дня, её присутствие однозначно не наблюдалось.

«Ну да ладно! – пока что отмахнулся Он. – Чуть попозже разыщу».

Материалы от утрешней зеленой выпускницы Он нашел в папке с нецензурной подписью, предполагавшей заняться подателем сего отдельно и во внеурочное время. Он вздрогнул, а глубоко засевший в подсознании бес злорадно потер руки и подал голос, мол, стареешь, забываться стал.

«Хм, интересно, а Я в её сторону что-то?.. Или нет? Нет!! – оборвал тут же себя Он. – Что там с Кариной?» – встал Он со стула, чтобы как-то справиться с открытиями, что порой случаются на трезвую голову.

Карины ни где не было. Её рабочее место пустовало, подруги, в лучшем случае, отмалчивались, порой похихикивали Ему в след, но не более. Известие об их отношениях стало уже всеобщим достоянием и от этого избавиться было не так уж просто. Сейчас Его это задевало и даже беспокоило. Бесы же, посмеиваясь над Ним с иной стороны, изнутри, нашептывали, что стоит лишь употребить совсем немного, как стрессовая ситуация уляжется, а раздражение смешками и иным отношением к Его особе тут же образуется... Но пить Он зарекся, потому и страдал далее.

Не найдя Карины, Он вновь вернулся на свое рабочее место. Рядом стояла всё та же блондинка, кокетливо обняв пап-

ку, прижимая ту к своей груди, и повиливая бедрами, бросала игривые взоры в Его сторону прячась всё за той же папкой.

– Да? – поинтересовался Он.

– Вот тут ещё один вопросик... – протянула папку она Ему.

«Догадываюсь как она зарабатывала свои оценки в институте и каким образом уговаривала парней поделиться готовыми решениями заданий», – мелькнуло у Него в голове.

Вопросов и в правду скопилось множество. Настолько много, что если бы Он ими решил всеми сразу заняться, то не справился бы, наверное, на протяжении пары, а то и тройки месяцев. Систематически футболя задачи, отбиваясь от приказов, впадая в раж и внутрифирменные интриги, Он смог свалить в кучу столько работ, что с ходу даже в них разобраться не мог.

Спасало лишь чутье и правило, сводившееся к тому, что большинство задач уже ни кого не интересуют, были поставлены в состоянии аффекта и потому могут так же безболезненно быть отправлены во вновь созданную папку с названием: «Отложено на совсем».

Больше всего Его беспокоили задачки, поставленные Ему собственником...

– Чем сейчас занят? – промелькнул Игорь и тут же исчез, не выслушав даже ответа. Собственно, и самого ответа не последовало. Нет, Он не проигнорировал коллегу и даже злоба

на него у Того не проснулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.